

АБАЙ

*ДВАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
НА ТРЕХ ЯЗЫКАХ*

"АУДАРМА" БАСПАСЫ
АСТАНА – 2008

ББК 84 (5 Қаз) -5
А13

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Составитель, автор предисловия, послесловия
и комментария *Герольд Бельгер*

Стихотворения Абая на немецкий язык перевел
Леонард Кошут (Берлин)

А 13 АБАЙ. *Двадцать стихотворений на трех языках.*
Астана: Аударма, 2008. – 136 стр.

ISBN 9965-18-241-8

В сборник вошли двадцать стихотворений Абая в переводе на русский и немецкий языки. Приведенные в оригинале и переводах стихи дают богатую пищу для размышлений о сложностях и трудностях переводческого искусства

А $\frac{4702250000 - 245.}{00(05) - 08}$

ББК 84 (Қаз) -5

ISBN 9965-18-241-8

© Бельгер Г., Кошут Л., 2008
© Издательство “Аударма”, 2008.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Леонард Кошут (1923, Киев) – критик, эссеист, издатель, переводчик. Живет в Берлине. Более тридцати лет возглавлял отдел советской литературы в издательстве “Фольк унд Вельт” (ГДР). Составитель ряда уникальных изданий на немецком языке – Вл. Маяковский, С.Есенин, Б.Окуджава, Ю.Марцинкявичюс, И. Гришашвили. Автор книги воспоминаний “Фольк унд Вельт” (2002) и многих переводов. Восемь раз приезжал в Казахстан. Инициировал издания на немецком языке – М.Ауэзов, Т.Ахтанов, А.Кекилбаев, О.Сулейменов, А.Алимжанов и др. (всего 17 названий). Лауреат премии Казахского ПЕН-клуба (2003). Увлеченно переводит Абая. В 2007 году в издательстве “ÖnelVerlag” (Кёльн) вышли в его переводе “Abai. Zwanzig Gedichte”.

О СОСТАВИТЕЛЕ

Герольд Бельгер (1934, г. *Энгельс*) – переводчик, прозаик, критик, эссеист, публицист. С 1941 года живет в Казахстане. Автор 43 книг, более 1500 газетно-журнальных публикаций. Перевел с казахского и немецкого языков на русский 160 произведений. Лауреат ряда общественных, литературных и журналистских премий. О творчестве Абая написал книги “Созвучие” (1982), “Гете и Абай” (1989), “Земные избранники” (1995), “Властитель-Слово” (2007) и составил шесть сборников.

В 2007 г. Кёльне (ФРГ) увидел свет составленный им сборник “Abai. Zwanzig Gedichte” с его предисловием, послесловием и комментариями.

ВЛАСТИТЕЛЬ – СЛОВО

(ПОЧЕМУ ТРУДНО ПЕРЕВОДИТЬ АБАЯ)

I

Дотошные лингвисты могут меня поправить, однако, мне кажется, что в поэзии Абая наиболее употребляемое слово – Сөз. Убедиться в этом несложно.

Возьмите его знаменитое стихотворение “Поэзия – властитель языка”. Слово “сөз” автор употребляет пятнадцать раз – “сөздің патшасы” (“царь слова”), “сөз сарасы” (“отборное слово”), “бөтен сөз” (“чужое слово”), “сөздің басы” (“начало слова”), “сөз жақсысы” (“избранное слово”), “сөз қадірі” (“достоинство слова”), “ақыл сөз” (“умное слово”) и т. д.

Читаем другое стихотворение – “Науки не освоив, не кичись”. Слово “сөз” встречается здесь двенадцать раз: “шын сөз” (“истинное слово”), “сөз мәнісі” (“значение слова”), “көптің сөзі” (“слово большинства”), “жақынның сөзі” (“слово близкого”) и т. д.

Далее можно не считать: на “сөз” вы натываетесь едва ли не в каждом стихотворении – “өлең сөз” (“стихотворное слово”), “сөзі тәтті” (“сладкое слово”), “сөз таныр кісі” (“человек, ценящий слово”), “сөз ұғарлық” (“понимающий слово”) и т. д.

“Сөз” по-русски означает слово.

Абай восхищается Словом, без устали обыгрывает его, раскрывает его глубинную суть, призывает ценить его, не употреблять всеу, не забавляться им, познать его истину, отличать от слова ложного, пустого, не засорять речь неуместным, чужим

словом, сетует на то, что ныне слово упало в цене, его не понимают, ему не внимают, убеждает читателя вслушаться в слово разума, проникнуться словом мудрых.

Нетрудно также понять, что у Абая – как почти все его слова – оно объемное, многоликое, многозначное. Оно не просто слово. Это и язык, и речь, и назидание, и речение, и наставление, и молва, и стих, и мудрость. Слово плоское, серое, однозначное, бытовое Абая не прельщает. Чужды ему и витиеватые, высокопарные, напыщенные, велеречивые, цветистые, как лоскутное одеяло, пенящиеся, как перебродивший айран, “красные” словеса. Он без конца напоминает: его слово “без блеска-сверка”, с первого раза, на слух, его не каждый воспримет, не каждый поймет; просит: не брезгуйте моими словами; подчеркивает: всего дороже те, в которых заключен глубокий смысл; внушает: его слова спесивцам недоступны, их поймет только прозорливый, лишь тот, кто сердцем жив, душой открыт.

Почитание поэтического слова, в котором заключены потаенные суть, достоинство и мудрость, – один из главных мотивов поэзии Абая.

Он знал: его стихи не всем по нутру, они необычны, непривычны. Степь за многие века выработала свои поэтические каноны, свой эстетический вкус, свои прочные традиции, своеобразный культ устного слова, ритмизованного, с устойчивыми рифмами, густо перемешанного пословицами, поговорками, ловко или не очень сплетенного из псевдовозвышенных, мнимокрасивых словес. Абай сознательно разрушает эти каноны, ломает сложившиеся традиции, оберегает былые, тысячекратно воспетые на все лады “восточные” темы, привносит в казахскую поэзию новые слова,

свежие краски, насыщает слова многозначным глубинным смыслом.

Абай говорит – передаю его слова в подстрочном прозаическом переводе:

*“Мои стихи не о драконах, не о Али-хазрете,
В них “дев прелестных, луноликих” не найдешь.
И старость не клян, и смерть не воспеваю,
И джигитов к бесстыдству не зову”.*

Здесь Абай высмеивает старых акынов и их основную тематику: сказы о сподвижниках пророка, о мифических существах “айдахарах-драконах”, о гуриях, “девах со золотым подбородком”, о загробной жизни, а также их страсть к неуместному пышнословью и высокопарности.

Не унижать достоинства искусства, ибо поэзия – властительница языка – таково поэтическое, эстетическое кредо Абая.

Значимость творчества Абая для своего народа лучшие его представители “с чутким сердцем и душой” подметили прозорливо. В некрологе в “Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества” (1907), написанном Алиханом Букейхановым, сказано удивительно точно и емко: “Абай был самородок, вынесенный судьбою в безвременье его родины...”

Философы утверждают: процесс творения – самоограничение Бога. Гете уточняет: “В умении себя ограничить проявляется мастер”. Самоограничение в этом смысле свойственно и Абаю. Ограничение проявляется в подборе и отборе поэтических средств, в жесткой экономии словесного материала, в уплотнении мысли, в густоте метафорической образности. И именно потому, полагаю, у читателя создается устойчивое ощущение, что творчество Абая даже по объему значительно

больше, чем то, что вместилось в два скромных томика. Читателя Абая каждый раз неизменно охватывает чувство новизны. Магия его поэзии в ее многомерности, многозначности, полифоничности. С творчеством Абая я, например, знаком со школьных лет, читал его стихи бесчисленное количество раз, писал о нем, цитировал, сравнивал и сопоставлял, делал подстрочные переводы, конспектировал его гаклии – философское эссе, и все равно каждый раз как бы открываю его для себя заново, невольно поражаюсь глубиной той или иной строчки, ее смысловой многозначностью, свежестью слова, метафоричностью, образностью. И потому кажется, что Абай бездонен, безграничен, огромен, всеобъемлющ.

Не кажется – так оно и есть.

В 1913 году ученый, литератор, просветитель Ахмет Байтурсинов опубликовал в газете “Казах” статью об Абае, в котором он, пожалуй, один из первых раскрыл всю духовную значимость – “главного, ведущего” – казахского поэта. Ахмета Байтурсинова, прочитавшего стихи Абая впервые в рукописи еще в 1913 году, больше всего поразили их новизна, их отличие от творчества предыдущих казахских поэтов. “Слов мало, а значение их многомерно, глубоко”, – писал он. Без предварительной подготовки или без специального комментария – читай хоть тысячу раз – некоторых слов не понять. Да, слова Абая трудны для понятия рядового, простого читателя, но это не вина Абая, не недостаток его, а беда читателя, не доросшего до восприятия его поэзии.

Так считал Ахмет Байтурсинов восемь десятилетий тому назад. И смысл этого замечания не утрачен и поныне.

Таков Абай. Такова его муза, сложная, далеко не всегда и всем доступная, загадочная. Таково его Слово, многозначное, многоплановое, многокрасочное, многоликое.

И говорю об этом несколько подробнее лишь потому, что пытаюсь объяснить, почему поэзию Абая так трудно переводить на другие языки, почему она до сих пор не звучит достойно по-русски, в чем причина переводческих неудач, чем вызвана бескрылость его поэтических переложений.

II

И в самом деле: то, что нет до сих пор русского Абая, – прописная истина. О том говорим и жалуемся на всех перекрестках добрых полвека. И каждый раз, когда разговор заходит об очередном сборнике стихов Абая на русском языке, издатели и редакторы хватаются за головы: на каком переводе остановить выбор, из чего выбирать, чьему переводу отдать предпочтение. И на переводчиков сетовать вроде нельзя. Есть старательные, бережные, аккуратные поэтические переводы М.Петровых, Вс.Рожественского, М.Тарловского, Л.Озерова, Ю.Нейман, О.Румера, Ю.Кузнецова. Читаешь их – вполне прилично, весьма близко, похоже, узнаваемо. Начинаешь вникать в перевод, сравнивать с оригиналом – ай, не то, не Абай все же, чего-то не хватает, нет того обаяния, того поэтического шарма, той естественности и многослойности, того дыхания, той мудрости, что в подлиннике. Нет и все. Хоть плачь! И даже слова вроде те, точно переданные, и ритмомелодика сохранена, и рифмы подобраны, подогнаны, и намек на национальный колорит присутствует, и все же не то, не звучит, не играет, не влечет, не завораживает, что-то невидимое, неосязаемое ускользает, уплывает, растворяется и – как говорит Абай – “изъяны всюду выпирают”.

Должно быть, по этой причине некоторые литераторы, философы, знатоки и почитатели Абая – я свидетель, – отказываются писать предисловия к сборникам казахского поэта на русском языке. Понятно: хочется сказать о значимости, о своеобразии, о величии поэта, а переводы его стихов этого не подтверждают, скорее, наоборот. Даже лучшие переводы – всего лишь тень, силуэт оригинала. Цитировать подстрочники – тоже не дело. Слишком далеки они от аула Поэзии.

На многочисленных встречах с читателем этот вопрос – “Почему нет Абая в русском переводе?” – задается непременно и неизменно. Бывало, и я задавался этим вопросом. Не имея ни малейших данных (кроме искреннего желания) для воссоздания Абая на русском языке, я в разные годы пытался сделать – хотя бы – подстрочные переводы отдельных его стихотворений, и вскоре убедился, понял: почти безнадежное дело, напрасные потуги, мукамученическая, едва ли не каждое слово Абая противится, сопротивляется, не поддается толмачеству, вызывает уйму синонимов, которые даже все вместе не создают адекват оригинала, поневоле сбиваешься на косноязычный, многословный пересказ, на бледный, громоздкий комментарий, а подстрочник обретает столь неудобочитаемый вид, что от стыда горят уши и от бессилия впадаешь в тоску и уныние.

Вот знакомые мне с детства строки:

<i>Бойы бұлғаң</i>	<i>а4</i>
<i>Сөзі жылмаң</i>	<i>а4</i>
<i>Кімді көрсем, мен сонан</i>	<i>б7</i>
<i>Бетті бастым,</i>	<i>в4</i>
<i>Қатты састым,</i>	<i>в4</i>
<i>Тұра қаптым жалма-жан.</i>	<i>б7</i>

Прочтите, взгляните в одну лишь строфу этого язвительного, остро сатирического стихотворения.

Обратите внимание на ритмомелодику, на схему рифмовки. Для знающего казахский язык здесь все ясно, понятно, благозвучно, мелодично. Образно. Запоминающе.

Итак, начнем переводить строку за строкой.

Бойы бұлғаң... Хм-м... как же это передать по-русски? Бой – рост, стать. Бұлғаң – нечто такое, что качается, шатается, вихляет. Да-а... трудно переводимый словесный образ. Характеристика с отрицательным оттенком. Едко. Язвительно. Насмешливо. Ну, просто неприятный тип, этот “бойы бұлғаң”. Та-ак... Как же, однако, это сказать по-русски? Прямой перевод: “телом изгибающийся... шатающийся...” Понятно: Абай намекает на довольно распространенный аульный типаж того времени – хвастун, ловкач, наглец, вертопрах, шатун, гуляка. Смысл, оттенок: праздный, выхваляющийся, слоняющийся, воображуля, кривляка, бездельник с претензиями. Все верно. Но я же не могу нанизывать все эти определения на одну куцую строчку. Нельзя же к одному слову писать страничный комментарий. Так можно сходу отпугнуть поэта-переводчика. Надо на чем-то остановиться. На чем? Какое определение предпочесть? Какие слова оставить в тексте, а какие – спустить в сноску, чтобы гипотетическому поэту-переводчику было ясней, чтобы что-то подсказать, намекнуть на что-то. Пожалуй, “праздно-шатающийся”. Да, очень близко. Подходит. Но какое неуклюжее слово! Неблагозвучное. Громоздкое. Не представляю как его можно втиснуть в поэтическую строку. Ладно, напишу-ка: “праздный гуляка”. По крайней мере, смысл такой. Написать-то написал, а на душе нехорошо, беспокойно, кошки скребут. Ну, какой же это “бойы бұлғаң?” Разве “праздный гуляка” – адекват?

Вздохнешь и начинаешь “толмачить” дальше. Утешаешь себя: в конце концов это ведь не

художественный, не поэтический перевод, а всего лишь подстрочник. Небось, сойдет и так. Дам несколько дополнительных красок, оттенков, синонимов и пусть переводчик-поэт ломает себе голову.

Вторая строка – “сөзі жылмаң”. Ясно: сөзі – “его слова”, “его речь”. Жылмаң – нечто скользкое, маслянистое, не ухватишься, не удержишь. Такова речь праздного гуляки – пустая, скользкая, неопределенная, трепливая. Да, этот тип, слоняющийся по аулам, юрок, болтлив, проворен; скользок, словоблуд, пустобай, пустомеля, склонен к сплетне. А как хорошо, ловко эти две коротенькие строчки сочетаются, рифмуются! Как они крепко пригнаны друг к другу! Всего четыре слова, две рифмующиеся строчки – бойы бұлғаң, сөзі жылмаң – а уже сотворен, вылеплен образ, типаж, дана характеристика, ты зримо представляешь его, шатуна-трепача, оболтуса, праздного гуляку со скользкой речью. Если бы по-русски можно было сказать: “скользкоречий” или “скользкословый”, я был бы совсем недалеко от “сөзі жылмаң”. Но “скользкословый” я пишу в сноске, а в текст подстрочника ставлю “пустой трепач”, ощущая при этом ожог неудовлетворения.

Далее чуть проще, понятней. Абай говорит: как только он видит праздных гуляк, пустых трепачей, то он сильно теряется (конфузится, смущается), закрывает лицо (ладонями) и бежит от них, куда глаза глядят. Но сказано это в стихах, в стройных строках, в строгом ритме, в рифмах. А подстрочник этой строфы выглядит так:

*Праздных гуляк,
Пустых трепачей
Если увижу, я от них,
Лицо закрыв,
Сильно теряясь,
Бегу немедля, тотчас.*

И я, автор подстрочника, смотреть на это уродство не могу. Мне самому противно от этого убогого монстра. Правда, я снабдил эти шесть строчек комментариями, указал на какие-то нюансы и варианты, определил размер, схему рифмовки, даже количество слогов в каждой строке сосчитал, и все же не могу себе представить, как, каким образом, каким чудом неведомый мне поэт-переводчик, не владеющий казахским языком, не чувствующий ментальность оригинала, может из этой нелепости вылепить стих, вдохнуть в эти строки жизнь, воссоздать, возродить на другом языке разъятую, расчлененную, умерщвленную поэзию. Это ведь все равно, что из пепла (о, ужас!) воссоздать живой облик человека.

И так слово за словом, строка за строкой, строфа за строфой, стихотворение за стихотворением добросовестный “подстрочник” толмачит, “буквалит”, объясняет, толкует абаевский речестрой, досадуя на свое бессилие и испытывая брезгливость к своему же уродливому творению. А что может сотворить на основе такого – с позволения сказать – материала поэт-переводчик? Пусть самый чуткий, самый талантливый. Будь он хоть о семи пядей во лбу... А мы еще удивляемся: почему нет Абая на русском языке. Почему поэзия не звучит по-русски.

Образы Абая пронизаны национальным мироощущением, мировосприятием. Их невозможно переводить, их бессмысленно воссоздать буквально, их можно только каким-то образом транспонировать, трансформировать в другой языковой лад, в иную плоскость восприятия, в иную сферу представлений.

Скажем такой подстрочник:

*На что же нам надеяться, в чем найти опору,
Если достояние твое растворится за первым же холмом?*

О чем речь? Об измученных раздорами бедных степняках, состояние которых – одна видимость, оно улетучивается, растворяется, исчезает за первым же перевалом, и тогда на что надеяться народу, в чем искать опору? Собственно, у Абая сказано немного иначе: “На что же нам надеяться, в чем найти опору, если на данные тобой сорок голов скота можно едва ли одолеть первый перевал?” И перевал, и сорок голов скота, которые бедняк-скотовод может в лучшем случае внести во имя какого-либо благого дела, – все это казахские реалии, сугубо национальные образы. Попробуй их втиснуть в одну строку русского стиха...

Или вот:

– Корысти ради другом иной ныне слывет...

Разумеется, это подстрочник. Но смысл ясен. Привести можно лишь еще один вариант этой строки: “Один из-за выгоды другом себя выдает”. Но уже следующая за этим строка может вызвать недоумение:

– А съездит набок твой подзатыльник – мигом отвернется

Понять, конечно, можно. Тот, кто ради корысти, выдает себя нынче другом, завтра в случае беды, неудачи от тебя мигом отвернется. Но при чем тут какой-то “подзатыльник”? И почему и как он “съезжает набок”? В оригинале так и сказано: “жыға”. Слово это давно вышло из употребления, и означает оно оборку под богатырским шлемом, покрывающую затылок, подзатыльник. Понятно, если у батыра съехал набок подзатыльник, он становится уязвимым: открытая шея – мишень для стрелы. Подзатыльник из толстой, плотной кожи отлично защищает и от удара дубинкой. “Съехал набок подзатыльник” значит “отвернулась удача”. Но “отвернулась удача” – констатация, плоская проза. “Съехал набок

подзатыльник” – образ, метафора. Но как этот образ трансформировать по-русски?

Или еще аналогичный пример:

– И выправит их Творец.

Но если быть точным, у Абая сказано: “подадутся в ТЕЗ создателя”. Тез – архаизм. Так называется станок, в котором выпрямляют, придают нужные формы уинам, жердям юрты. Абай говорит о том, что создатель всех поставит на путь истины, всех выпрямит в своем “тезе”. Обычно такими деталями при переводе сплошь и рядом жертвуют. Едва ли не к каждой строке Абая приходится давать объяснения. Подстрочно переводишь: “У бая лошадку себе вымогает”, а в сноске разжевываешь “склоками, сутяжничеством он добился того, чтобы заново пересчитали (инвентаризовали) дома (юрты, кибитки, очаг) для обложения налогом и тем самым высудил себе у бая коняшку”.

Абай пишет “мал”, и подстрочник “буквалит” – скот, однако, поэт-переводчик обязан помнить, что скот в казахском языке нередко синоним богатства, достатка, состояния, благополучия.

В обличительных стихах Абая часто встречается слово “пысык”. Означает оно: шустрый, ловкий, оборотистый, бывалый, проныра, пройдоха, плут, мошенник, верткий и т.д.

Такое же объемное слово “тасыр”: чванливый, кичливый, самоуверенный, тупой, глухой, грохотун и т.д.

То же самое нежное, короткое слово “жар” – любимая, возлюбленная, супруга, невеста, жена или – поскольку в казахском языке отсутствует категория рода – любимый, желанный, супруг, жених, муж.

Даже маленькая частица у Абая и та функциональна, требует к себе внимания, иначе смысл слова будет раскрыт не полностью.

– Мұның қалай батыр-ау?

Означает эта строка:

- *Что же случилось, батыр?*
- *Как понять тебя, батыр?*
- *Что это значит, батыр?*
- *Ну, что же с тобой, батыр?*

Все дело, однако, в частице “ау”. Она придает фразе, обращению к батыру доверительную, с легкой усмешкой интонацию – смельчак, храбрец, герой, приятель, дружище, друг мой. И пренебречь этой частицей при переводе нельзя.

Многоплановость, многозначность слова в поэзии Абая подстерегает переводчика на каждом шагу.

Абай пишет “күмпілдектер”, а переводчик начинает перебирать четку синонимов: пустозвоны, трепачи, горлопаны, горлохваты, шушуну, самодовольные, спесивые, чванливые, пустобаи.

Подстрочный перевод:

– *Силач один смутьянов многих одолеть не может.*

Однако, в данном случае “силач”, “сильный” – это и мудрец, и честный, и справедливый. А “многие смутьяны” – это мошенники, и жулики, и сброд и т.п. П.Карабан перевел, по-моему, вполне удачно: “На честного тысячи плутов кругом...”

– *Джигиты, игра – дешева, смех – дорог...*

Слово “ойын” в оригинале переводится как “игра”, но по смыслу оно подходит и к “шутке”, “забаве”, “балагурству”. Неслучайно А.Гатов перевел эту строку так: “Джигиты, дорог смех, не шутовство”.

– *Две разные вещи ведь – суть и статья.*

В оригинале “сыр мен сымбат”. Слова эти многозначны: “сыр” – тайна, секрет, “внутреннее”; “сымбат” – вид, осанка, статья, стройность, “внешнее”.

– У какого казаха сознание найдешь?

В оригинале “сана” – сознание, мысль, дума. Буквально: “У какого казаха есть сознание?”, то есть понятливость, сознательность, может, даже, по смыслу, сочувствие, соучастие.

Нередки у Абая фразеологизмы. Для переводчика это, как всегда, камень преткновения.

Ограничусь лишь двумя примерами:

*– Из тех ты, что пять отдавая,
Шесть умеют взять обратно.*

Это своеобразная парафраза известной казахской поговорки: “Пять много дающему, шесть мало берущему”. А.Гатов перевел, на мой взгляд, находчиво:

*– Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.*

А вот случай более трудный. В балладе “Любил молодую красавицу хан” встречается поговорка: “Бұқа бұға, азбан дуға”. Перевести это трудно. Для проверки я обзвонил несколько знатоков-казахов. Никто толком ответить не мог. Вроде и понятно, а все же зыбко, неопределенно, туманно. Ясно, что бұқа – бык; азбан – кастрат, кастрированное животное. Получается, что бұқа (бык) создан (или пригоден) для “бу”, то есть, для пара, образно – для буйства, для страсти, для любовных безумств, а азбан (кастрат) – для “ду”, то есть, для шума, гомона, веселья, пира. Все построено на рифмующихся – не очень-то конкретных – словах “бу” и “ду”. Смысл: каждому свое, всякому соответствует что-то одно, всяк горазд на свой лад. Как только не изощрялись поэты при переводе этого места на русский язык!

- Ржет при виде кобылицы жеребец...
- Что ж, в стаде самцу свои самки милы...
- Конь кобылицей, старец молодицей...
- Ржет мерин иной, как скакун племенной...
- Знают все: “Мычит и вол под стать быку”...
- При виде кобылы жеребчик заржет...

Что ж... поиски налицо, а результат сомнителен.

Еще одна проблема при переводе Абая – это множество заимствованных, “инородных” слов, искусно и художественно оправданно вкрапленных в поэтическую ткань. Что это за слова? Во-первых, архаизмы, ныне почти повсеместно вышедшие из употребления: бергек, жыға, тез, өлекші, райыс, кән, көйт, күрбәт, дәндәку и др. Во-вторых, арабизмы: физзәт, сұхбат, нәфритлі, ғибратлі, ақыл-мизан, аят, хадис, мехнат, ғадауат и т.д. (сюда, видно, следует отнести и ряд религиозных терминов и наименований: махлұқ, мәкан, махшар, фәни, баки, дәһрі). В-третьих, фарсизмы: бадалық, шаһбаз, баж. В-четвертых, русизмы: закон, виноват, адвокат, интернат, прошение, самородный, счет, судья, военный, коренной, занимайся прямою, здраво-мыслящий и другие.

В оригинале все эти заимствованные слова совсем не случайны, у них своя художественная функция, определенная нагрузка, они то возвышают речь, придают ей своеобразную изысканность, торжественность, то окутывают стих в соответствии с темой в религиозно-мистический флер, то конкретизируют, как бы иллюстрируют сугубо современную мысль. Но как быть при переводе? Оставить их в русско-арабско-персидском облики? В исконной форме вплетать их в русские стихи и давать объяснения в сносках? Или перевести их на

современный русский язык и тем самым как бы нивелировать арабские строки, придать им общедоступное звучание?

У меня нет однозначного ответа.

В своей поэзии Абай нередко говорит об очень сложных философских абстракциях, нравственно-эстетических категориях. Такие стихи и прозой перевести мудрено, а в подстрочнике не сразу то и разберешься, что к чему. Вот, к примеру, в стихотворении (своеобразный поэтико-философский трактат). “Сизый туман – грядущие времена” Абай рассуждает о соотношении понятий “я” и “мое”, о душе, о разуме, о плоти, о бессмертии. И свои думы поэт излагает в классически отточенных стихах, в форме традиционного казахского одиннадцатисложника с рифмовкой ааба. Я долго колдовал над подстрочником.

*“Я” – разум и душа, “мое” есть плоть,
“Я” и “мое” – понятия разновеликие.
Для “я” судьбой предназначено бессмертие.
“Мое” обречено и пусть, с тем согласись”.*

Думаю, смысл вполне ясен. Но как это изложить стихами, да еще максимально близко к оригиналу? В.Звягинцевой это удалось в большей степени.

*“Я” – разум промолвит. Плоть скажет: “Мое!” –
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное “я” никогда не умрет.
“Мое” – это только земное жильё”.*

Да, Абай трудно поддается воссозданию на другом языке. Иногда, кажется, он вообще непереволим. Неподступный. Недоступный. Неприступный. Непостижимый. Невыразимый. Руки опуска-

ются. Отчаяние берет. Даже самый старательный подстрочный перевод, с вариантами, комментариями, историко-бытовым экскурсом, – отвращает. Ибо убивает поэзию. Остается искаженная – при неверном свете – уродливая тень, кошунственное отражение в кривом зеркале. Упорному, дотошному “подстрочнику” лишь изредка удастся воссоздать смысл и общий рисунок, графический облик той или иной строфы Абая. Например:

*“Коль бедняк – смутьян,
Гордыней обуян –
Несчастнее на свете бая нет.
От прихлебателей,
От вымогателей,
От захребетников спасу нет”.*

Эти буквально переведенные строки, на мой взгляд, передают не только содержание оригинала, но и намекают на форму, на размер, на ритм, на смену рифмовки. В таких случаях мне кажется, что автор подстрочника выполнил свою функцию. В определенной степени облегчил задачу поэта-переводчика, которому предстоит теперь в эти строки вдохнуть жизнь, озарить живым огнем поэзии. Однако, кто знает, может, это только мне, “подстрочнику”, так кажется, на самом же деле я вовсе не облегчил задачу поэта-переводчика, а, наоборот, усложнил ее, невольно загнав его в жесткую структуру и ограничив его возможности для вольной фантазии. Может, поэт-переводчик предпочитает организованному, упорядоченному, максимально приближенному к оригиналу подстрочнику обыкновенную грубую, сырую глину, из которой ему сподручнее лепить все, что только ему заблагорассудится?

Не знаю. Спор давний, старый. Я же пишу о своих впечатлениях, о своем опыте подстрочного перевода двенадцати стихотворений Абая.

III

Так, резюмируя, в чем заключаются трудности при переводе Абая на русский язык? Какие подводные камни подстерегают переводчика на каждом шагу? Это, по моему разумению:

– насыщенность, густота, спрессованность мысли в абаевской поэзии, образность, метафоричность, афористичность;

– сугубо национальная ментальность, национальный дух;

– многозначность, многоплановость почти каждого абаевского слова;

– обилие историко-бытовых реалий;

– созерцательная, назидательная, степенно-возвышенная тональность, обращенность к собеседнику с чутким сердцем и душой;

– загадочность, трагизм одинокой непонятой окружающими и оттого страдающей души.

Можно, конечно, назвать и другие камни преткновения. У меня же сложилось ощущение, что зазвучит Абай по-русски еще не скоро.

Так, как же быть? Сидеть сложа руки? Смириться? Есть ли вообще выход? Или так и останется Абай – национальная гордость, национальная святыня – в узких национальных рамках?

Академик Д.С.Лихачев как-то сказал, что Пушкин до сих пор изучен слабо, осмысление Пушкина, мол, только начинается.

И это при беспредельной всемирной пушкиниане!

Весь мир и поныне изучает Гете. Едва ли не во всех уголках земного шара исправно функционируют гетевские общества. Гетеана составляет

монблан. И исследование этого монблана не прекращается ни на миг.

Что же тогда говорить о нашем Абаяе?

По сути дела мы находимся лишь у подножья горной вершины. У него до сих пор даже нет настоящего канонического текста творчества Абая. Диву даешься разночтениям в его текстах разных изданий.

Да, Абай велик. Абай – титан. О том сказано и написано немало. В восторгах недостатка нет. Нельзя, однако, десятилетиями стоять у подножья и благоговейно взирать на горную вершину. Надо настойчиво одолевать перевал за перевалом, гряды за грядой и подниматься на вершину. Тогда лишь откроется нам ее величие во времени и пространстве.

Думаю, когда-нибудь зазвучит Абай – как ныне говорят, адекватно – и на русском, и на других языках мира. Само Время позаботится о своих гигантах. Забвение им не грозит.

Имеются многие пути для постижения Абая. И ни от одного нельзя открещиваться. В том числе и от постижения его поэзии на русском языке через подстрочник. На мой взгляд, это наименее благотворный и плодотворный путь, мудрено расслышать Абая через косноязычного посредника, трудно по зыбким ориентирам, по сомнительным вешкам добраться наощупь до сокровенной тайны его смуглоликой музыки, однако и на этом пути не исключены открытия. Кое-какой опыт уже накоплен.

И все же... Трюизм: поэзия переводится поэзией, судьба – судьбой. Душа переливается в душу. И лишь так достигается высшая гармония. Значит, нужен равновеликий талант. Или скромнее – созвучный, соразмерный. Талант, способный услышать, понять,

почувствовать и прочувствовать душу абаевской поэзии в оригинале, пропустить ее через свою душу, через свое сердце и воспроизводить ее на другом языке, в обличии другой словесной оболочки. Это, пожалуй единственный, идеальный путь. Воссоздал же Абай, облекая в безупречную казахскую форму, стихи Пушкина и Лермонтова. Я не исключаю, что именно русскоязычный казахский поэт, дерзкий и бесстрашный, преодолев робость, воссоздаст когда-нибудь достойно Абая на русском языке.

Возможно, открытия ожидают нас на пути переложения, парафразы, медитации “по мотивам”, поэтических фантазий “на тему”. И подобные формы не стоит исключать. И они могут послужить ступенькой в трудном постижении Абая.

Вот, скажем, Бахытжан Канапьянов написал небольшой цикл под названием “Мотивы Абая”.

*“Не знаю, как я жил до нынешнего дня,
И пройдено и видено немало.
В любви и в спорах сердцем отпылало,
Покой в моей душе. Былого нет огня.*

*Что в этой жизни остается для меня?..
Мне, грешному поэту, не пристало
Себя аллаху посвятить, стихи кляня,
Аллаха мое сердце не искало.*

*Приумножать стада, увольте, не хочу.
И степью управлять, увы, не по плечу.
Не облегчить людские мне страдания.*

*И свои мысли и живую свою речь –
Все это в СЛОВО остается мне облечь.
Тебе, о человек, мои признания!..”*

Понятно, это еще не сам Абай. Эти строки навеяны прилежным чтением Абая – и стихов его, и философской прозы. Все это – очень знакомое, дорогое, абаевское. Это именно мотивы Абая, чутко услышанные, через сердце пропущенные его далеким потомком, нашим современником. И такая форма поэзии имеет право на жизнь. Она передает дух великого поэта. Она как бы приучает исподволь русского читателя к поэзии Абая, подготавливает его душу для будущего восприятия и постижения подлинного казахского гения.

Абай вечен. Абай бесконечен. Он стоит в ряду гигантов духа. Он олицетворяет целый народ.

1991

АБАЙ

ЖИЫРМА ӨЛЕҢ

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕ

1.

Патша құдай, сиындым
Тура баста өзіңе.
Жау жағадан алғанда,
Жан көрінбес көзіме.
Арғын, Найман жиылса,
Таңырқаған сөзіме.
Қайран сөзім қор болды,
Тобықтының езіне.
Самородный сары алтын,
Саудасыз берсең, алмайды
Саудыраған жезіне.
Саудырсыз сары қамқаны
Садаға кеткір сұрайды
Самарқанның бөзіне.
Кеселді түйін шешілсе,
Кердең мойын кесілсе,
Келмей кетпес кезіне.
О да құдай пендесі,
Түспей кетер деймісің
Тәңірінің құрған тезіне?

2. ЖАЗ

Жаздыгүн шілде болғанда,
Көкорай шалғын, бәйшешек
Ұзарып өсіп толғанда;
Күркіреп жатқан өзенге
Көшіп ауыл қонғанда;
Шұрқырап жатқан жылқының
Шалғыннан жоны қылтылдап,
Ат, айғырлар, биелер
Бүйірі шығып, ыңқылдап,
Суда тұрып шыбындап,
Құйрығымен шылпылдап,
Арасында құлын-тай
Айнала шауып бұлтылдап.
Жоғары-төмен үйрек, қаз
Ұшып тұрса сымпылдап.
Қыз-келіншек үй тігер,
Бұрала басып былқылдап,
Ақ білегін сыбанып,
Әзілдесіп сыңқылдап.
Мал ішінен айналып,
Көңілі жақсы жайланып,
Бай да келер ауылға,
Аяңшылы жылпылдап.
Сабадан қымыз құйдырып,
Ортасына қойдырып,
Жасы үлкендер бір бөлек
Кеңесіп, күліп сылқылдап.
Жалшы алдаған жас бала
Жағалайды шешесін
Ет әпер деп қыңқылдап.
Көлеңке қылып басына,

Кілем төсеп астына,
Салтанатты байлардың
Самаурыны бұрқылдап.
Білімділер сөз айтса,
Бәйгі атындай аңқылдап,
Өзгелер басын изейді,
Әрине деп мақұлдап.
Ақ көйлекті, таяқты
Ақсақал шығар бір шеттен:
Малыңды әрі қайтар деп,
Малшыларға қаңқылдап.
Бай байғұсым десін деп,
Шақырып қымыз берсін деп,
Жарамсақсып, жалпылдап.
Шапандарын белсенген,
Асау мініп теңселген,
Жылқышылар кеп тұрса,
Таңертеңнен салпылдап
Мылтық атқан, құс салған.
Жас бозбала бір бөлек
Су жағалап қутыңдап.
Қайырып салған көк құсы,
Көтеріле бергенде,
Қаз сыпырса жарқылдап.
Өткен күннің бәрі ұмыт,
Қолдан келер қайрат жоқ,
Бағанағы байғұс шал
Ауылда тұрып күледі,
Қошемет қылып қарқылдап.

3. ҚЫС

Ақ киімді, денелі, ақ сақалды,
Соқыр-мылқау танымас тірі жанды.
Үсті-басы – ақ қырау, түсі суық,
Басқан жері сықырлап, келіп қалды.
Дем алысы – үскірік, аяз бен қар,
Көрі құдаң – қыс келіп, әлек салды.
Ұшпадай бөркін киген оқшырайтып.
Аязбенен қызарып ажарланды.
Бұлттай қасы жауып екі көзін,
Басын сілкісе, қар жауып, мазаңды алды.
Бурадай бұрқ-сарқ етіп долданғанда,
Алты қанат ақ орда үй шайқалды.
Әуес көріп жүгірген жас балалар
Беті-қолы домбығып, үсік шалды.
Шидем мен тон қабаттап киген малшы
Бет қарауға шыдамай теріс айналды.
Қар тепкенге қажымас қайран жылқы
Титығы құруына аз-ақ қалды.
Қыспен бірге түмсығын салды қасқыр,
Малшыларым, қор қылма итке малды.
Соныға малды жайып, күзетіндер,
Ұйқы өлтірмес, қайрат қыл, бұз қамалды!
Ит жегенше Қондыбай, Қанай жесін,
Құр жібер мына антұрған көрі шалды.

4.

Желсіз түнде жарық ай,
Сәулесі суда дірілдеп.
Ауылдың жаны терең сай,
Тасыған өзен гүрілдеп.

Қалың ағаш жапырағы
Сыбырласып өзді-өзі.
Көрінбей жердің топырағы,
Құлпырған жасыл жер жүзі.

Тау жаңғырып, ән қосып
Үрген ит пен айтаққа.
Келмеп пе едің жол тосып
Жолығуға аулаққа?

Таймандамай тамылжып,
Бір суынып, бір ысып.
Дем ала алмай дамыл қып,
Елең қағып, бос шошып.

Сөз айта алмай бөгеліп,
Дүрсіл қағып жүрегі.
Тұрмап па еді сүйеніп,
Тамаққа кіріп иегі?

5.

Сен мені не етесің?
Мені тастап,
Өнер бастап
Жайыңа
Және алдап,
Арбап,
Өз бетіңмен сен кетесің.
Неге әуре етесің?
Қосылыспай,
Басылыспай,
Байыңа
Және жаттан
Бай тап,
Өмір бойы қор етесің.

Ет жүрек өртенді,
От боп жанып,
Жалын шалып
Ішіме.
Иттей қормын,
Зармын,
Сен үздің ғой бұл желкемді.

Кім білер ертеңді?
Өлім айтпас,
Келсе қайтпас
Кісіге.
Бүгінгі күн
Бармын,
Жолдас еттің сен бөтенді.

Ғашықтық – қиын жол.
Жетсең – жеттің,
Жетпей өттің,
Не болды?
Арманда өмір
Өтті,
Ойлар ма екен бір мені сол?

Салдырап аяқ-кол,
Жетпей сертке,
Ішім дертке
Тез толды.
Ажал уақыты
Жетті,
Мен өлейін, сен сау-ақ бол.

Шын жүрек – бір жүрек,
Қайта толқып,
Жолдан қорқып
Айнымас,
Шегінісіп
Қайтпас,
Өлсе бір сөзбен, не керек?

Білесің, сен зерек,
Мен пәндеңе
Болды деме,
Кел, қарас.
Ешкім сөгіс
Айтпас,
Рақым қылсаң, кел ертерек!

Шын ғашық мен саған!
Кейіп жүрсем,
Сені көрсем,

Ләм-мим деп
Бір сөз айтар
Хал жоқ,
Еріп кетер бой сол заман.

Ойыңды сен маған
Бір бөлмедің,
Тез келмедің
Мені іздеп
Ішінде ыстық
Қан жоқ,
Тас бауыр жар, бол хош аман!

Жар, сенің көңілің тоқ,
Ақ етінді,
Нұр бетінді
Меншікті
Қылмаған соң
Алла,
Өзі сорлы етсе, амал жоқ.

Сен аттың жөнсіз оқ,
Тәңірі – қазы,
Тас таразы,
Тентекті
Сұрамас деп
Қалма,
Серт бұзғанның, біл, орны шок.

6.

Не іздейсің, көңілім, не іздейсің?
Босқа әуре қылмай, шыныңды айт.
Шарқ ұрып, тыныштық бермейсің,
Сырласалық, бермен қайт.

Абұйыр, атақ сол жанда,
Кімді көп жұрт мақтаса.
Ол мақтаудан не пайда,
Көп мақтауын таппаса?

Көп тәңірі атқан мақтай ма,
Ол тәңірі атқан болмаса?
Жоқты-барды шатпай ма,
Көптің өзі оңбаса?

Мақтау – жел сөз жанға қас,
Қошеметшіл шығарған.
Бір мақтаса, боқтамас,
Ел табылса, құмарлан.

Жұрттың бәрі сөз сатқан,
Сатып алып не керек?
Екі сөзді тәңірі атқан –
Шыр айналған дөңгелек.

Сатып алма, сөз сатса,
Ол асылды аңдамас.
Білөткенің байы – ақша,
Ер жақсысын таңдамас.

Мен – мақтанның құлы емес,
Шын ақылға зорлық жоқ.
Антұрған көп пұл емес,
Өлім барда қорлық жоқ.

Өмір, дүние дегенің
Ағып жатқан су екен.
Жақсы-жаман көргенің,
Ойлай берсең, у екен.

7.

Жүрегім, ойбай, соқпа енді!
Бола берме тым күлкі.
Көрмейсің бе, тоқта енді,
Кімге сенсең, сол шикі.

“Жетім қозы– тас бауыр,
Түңілер де отығар”
Сорлы жүрек мұнша ауыр
Неге қатты соқтығар?

Сенісерге жан таба алмай,
Сенделеді ит жүрек.
Тірілікте бір қана алмай,
Бұл не деген тентірек?

Жоқ деп едің керегің,
Топ жиып ең бір бөлек
Кезек келер демедің,
Ендігі керек қай керек?

8.

Ғашықтың тілі – тілсіз тіл,
Көзбен көр де, ішпен біл.
Сүйісер жастар қате етпес,
Мейлің илан, мейлің күл.

Ол тілге едік оңдайлы
Қаріпсіз біліп сондайды.
Біліп-ақ, ұғып қоюшы ек,
Енді ішіме қонбайды.

9.

Әсемпаз болма әр неге,
Өнерпаз болсаң, арқалан.
Сен де – бір кірпіш дүниеге,
Кетігін тап та, бар қалан!

Қайрат пен ақыл жол табар,
Қашқанға да, қуғанға.
Әділет, шапқат кімде бар,
Сол жарасар туғанға.

Бастапқы екеу соңғысыз,
Біте қалса қазаққа,
Алдың – жалын, артың – мұз,
Барар едің қай жаққа?

Пайданы көрсең бас ұрып,
Мақтанды іздеп, қайғы алма.
Мініңді ұрлап жасырып,
Майданға түспей бөйгі алма.

Өзінде бармен көзге ұрып,
Артылам деме өзгеден.
Күндестігін қоздырып,
Азапқа қалма езбеден.

Ақырын жүріп, анық бас,
Еңбегің кетпес далаға.
Ұстаздық қылған жалықпас
Үйретуден балаға.

10.

Өлсе өлер табиғат, адам өлмес,
Ол бірақ қайтып келіп, ойнап-күлмес.
“Мені” мен “менікінің” айрылғанын
“Өлді” деп ат қойыпты өңкей білмес.

Көп адам дүниеге бой алдырған,
Бой алдырып, аяғын көп шалдырған.
Өлді деуге сыя ма, ойландаршы,
Өлмейтұғын артына сөз қалдырған?

Кім жүрер тіршілікке көңіл бермей,
Бақи қоймас фәнидің мінін көрмей.
Міні қайда екенін біле алмассың,
Терең ойдың телміріп соңына ермей.

Дүниеге дос ақиретке бірдей болмас,
Екеуі тап бірдей боп орныға алмас.
Дүниеге ынтық, мәңшарға амалсыздың
Иманын түгел деуге аузым бармас.

11.

Сағаттың шықылдағы емес ермек,
Һәмишә өмір өтпек – ол білдірмек.
Бір минут бір кісінің өміріне ұқсас,
Өтті, өлді, тағдыр жоқ қайта келмек.

Сағаттың өзі – ұры шықылдаған,
Өмірді білдірмеген, күнде ұрлаған.
Тиянақ жоқ, тұрлау жоқ, келді – кетті,
Қайта айналмас, бұрылмас бұлдыр заман.

Өткен өмір белгісі – осы сыбдыр,
Көңілді күнде сындыр, әлде тындыр.
Ақыл анық байқаған қылығыңды,
Қу шыққансып қағасың босқа бұлдыр.

Күн жиылып ай болды, он екі ай – жыл,
Жыл жиылып, қартайтып қылғаны – бұл.
Сүйенген, сенген дәурен жалған болса,
Жалғаны жоқ бір тәңірім, кеңшілік қыл

12.

Адамның кейбір кездері
Көңілде алаң басылса;
Тәңірінің берген өнері
Көп бұлттан ашылса.

Сылдырлап өңкей келісім
Тас бұлақтың суындай,
Кірлеген жүрек өзі үшін
Тұра алмас әсте жуынбай.

Тәңірінің күні жарқырап,
Ұйқыдан көңіл ашар көз.
Қуатты ойдан бас құрып,
Еркеленіп шығар сөз.

Сонда ақын белін буынып,
Алды-артына қаранар.
Дүние кіріп жуынып,
Көрініп ойға көз салар.

Қыранша қарап қырымға,
Мұң мен зарды қолға алар.
Кектеніп надан зұлымға,
Шиыршық атар, толғанар.

Әділет пен ақылға
Сыналып көрген-білгенін,
Білдірер алыс, жақынға
Солардың сөйле дегенін.

Ызалы жүрек, долы қол,
Улы сия, ащы тіл
Не жазып кетсе, жайы сол,
Жек көрсендер өзің біл.

13.

Көк тұман – алдындағы келер заман,
Үмітті сәуле етіп көз көп қадалған.
Көп жылдар көп күнді айдап келе жатыр,
Сипат жоқ, сурет те жоқ, көзім талған.

Ол күндер – өткен күнмен бәрі бір бес,
Келер, кетер, артына түк қалдырмас.
Соның бірі – арнаулы таусыншақ күн,
Арғысын бір-ақ алла біледі рас.

Ақыл мен жан – мен өзім, тән – менікі,
“Мені” мен “менікінің” мағынасы – екі.
“Мен” өлмекке тағдыр жоқ әуел бастан,
“Менікі” өлсе өлсін, оған бекі.

Шырақтар, ынталарың “менікінде”,
Тән құмарын іздейсің күні-түнде.
Әділеттік, арлылық, махаббат пен –
Үй жолдасың қабірден әрі өткенде.

Малға сат, пайдаға сат қылығыңды,
Ылайла ылай оймен тұнығыңды, –
Сонда өмірден алдамшы бола алмассың,
Ол білдірмей ұрламақ қызығыңды.

Адам ғапыл дүниені дер менікі,
Менікі деп жүргеннің бәрі оныкі.
Тән қалып, мал да қалып, жан кеткенде,
Сонда, ойла, болады не сенікі?

Мазлұмға жаның ашып, ішің күйсін,
Харекет қыл, пайдасы көпке тисін.
Көптің қамын әуелден тәңірі ойлаған,
Мен сүйгенді сүйді деп иең сүйсін.

Көптің бәрі көп деме, көп те бөлек,
Көп ит жеңіп көк итті, күнде жемек.
Ғадәлет пен мархамат – көп азығы,
Қайда көрсен, болып бақ соған көмек.

Әркімнің мақсаты өз керегінде,
Біле алмадым пысығын, зерегін де.
Саяз жүзер сайқалдар ғапыл қалар,
Хақиқат та, дін дағы тереңінде.

14.

Сұм дүние тонап жатыр, ісің бар ма?
Баяғы күш, баяғы түсің бар ма?
Алды үміт, арты өкініш алдамшы өмір,
Желігін жерге тықпас кісің бар ма?!

Дәмі қайтпас, бұзылмас тәтті бар ма?
Бір бес күннің орны жоқ аптығарға.
Қай қызығы татиды қу өмірдің
Татуды араз, жақынды жат қыларға?

Ет жүрексіз ерніңнің айтпа сөзін,
Тіл үйренген нәпсінің қу мінезін.
Тілде сүйек, ерінде жиек бар ма?
Шымылдық боп көрсетпес шынның жүзін.

15.

Өлсем, орным қара жер, сыз болмай ма?
Өткір тіл бір ұялшақ қыз болмай ма?
Махаббат, ғадауатпен майдандасқан,
Қайран менің жүрегім мұз болмай ма?

Амалсыз тағдыр бір күн кез болмай ма?
Біреуге жай, біреуге тез болмай ма?
Асау жүрек аяғын шалыс басқан,
Жерін тауып артқыға сөз болмай ма?

Сонда жауап бере алман мен бейшара,
Сіздерге еркін тиер, байқап қара.
Екі күймек бір жанға әділет пе?
Қаны қара бір жанмың, жаны жара.

Жүрегімнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла.
Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма!

Жасымда албырт өстім, ойдан жырақ,
Айлаға, ашуға да жақтым шырақ,
Ерте ояндым, ойландым, жете алмадым,
Етекбасты көп көрдім елден бірақ.

Ой кіргелі тимеді ерік өзіме,
Сандалмамен күн кешкен түспе ізіме,
Өзі ермей, ерік бермей, жұрт қор етті,
Сен есірке, тыныш ұйқатат, бақ сөзіме!

Ішім – толған у мен өрт, сыртым дүрдей,
Мен келмеске кетермін түк өндірмей.
Өлең шіркін – өсекші, жұртқа жаяр,
Сырымды тоқтатайын айта бермей.

16.

Жүректе қайрат болмаса,
Ұйықтаған ойды кім түртпек?
Ақылға сәуле қонбаса,
Хайуанша жүріп күнелтпек.

Аспаса ақыл қайраттан,
Тереңге бармас, үстірттер.
Қартыңның ойы шар тартқан
Әдеті жеңіп күңгірттер.

Тән сүйгенін бермесе,
Жан шыдамас жаны ашып.
Бере берсең, бер десе,
Үміт етер таласып.

Малда да бар жан мен тән,
Ақыл, сезім болмаса.
Тіршіліктің несі сән,
Тереңге бет қоймаса?

Атымды адам қойған соң,
Қайтіп надан болайын?
Халқым надан болған соң,
Қайда барып оңайын?!

17.

Жүрегім менің – қырық жамау
Қиянатшыл дүниеден.
Қайтіп аман қалсын сау,
Қайтқаннан соң әр неден.

Өлді кейі, кейі – жау,
Кімді сүйсе бұл жүрек.
Кімі – қастық, кімі – дау,
Сүйенерге жоқ тірек.

Кәрілік те тұр тақау,
Алдымызда айла жоқ.
Қайғысыздың бәрі асау,
Бізге онан пайда жоқ.

Қан жүректі қайғылы-ау,
Қайрыла кет сен маған.
Қасиетін ойлан-ау,
Қам көңілдің тынбаған.

18.

Нұрлы аспанға тырысып өскенсің сен,
Менмен, кердең, қайғысыз ер көңілмен,
Жазғытұрым жасырып жердің бетін,
Жасыл шөппен, бой жеткен егінмен тең.

Сонан бері рахымсыз көп жыл өтті,
Орақ келер, орылар мезгіл жетті.
Жылы менен суықтың бәрін көріп,
Қайран көңіл қайыспай қайрат етті.

Ауыр ойды көтеріп ауырған жан,
Қайғы, қасірет жүзіңе белгі салған.
Дәні толық, басы үлкен егіндей-ақ,
Сенің де басың имек жерге таман.

Өлейін деп өлмейді өлерлік жан,
Әсте өлмесін білгендей қылық қылған.
Ажал келіп бас салса, жанды ұрласа,
Өмір қайда, сен қайда, соны да ойлан.

Адамзат-бүгін адам, ертең топырақ,
Бүгінгі өмір жарқылдап алдар бірақ.
Ертең өзің қайдасың, білемісің,
Өлмек үшін туғансың, ойла, шырақ.

19.

Жапырағы қуарған ескі үмітпен
Қиял қып өмір сүріп, бос жүріпшін.
Жыбыр қағып, көңілді тыншытпайды
Қашанғы өтіп кеткен бұлдыр көп күн.

Ол дәурен өмір емес, бір көрген түс,
Ойға түйме, қызықты қиялдан күс.
Қарашы, өз бойыңда түгел ме екен,
Ыстық жүрек, өң-шырай, қуат пен күш?

Төңкеріліп құбылған жұрт – бір сағым,
Шынға шыдап, қоса алмас ынтымағын.
Көптің аузын күзетсең, күн көрмейсің,
Өзіңді өзің күзет, кел, шырағым!

20.

Тоты құс түсті көбелек
Жаз сайларда гулемек.
Бәйшешек солмақ, күйремеқ,
Көбелек өлмеқ, сиремеқ.

Адамзатқа не керек:
Сүймеқ, сезбек, кейімеқ,
Харекет қылмақ, жүгірмеқ,
Ақылмен ойлап сөйлемеқ.

Өркімді заман сүйремеқ,
Заманды қай жан билемеқ?
Заманға жаман күйлемеқ,
Замана оны илемеқ.

ABAI

*ZWANZIG GEDICHTE
NACHGEDICHTET VON*

LEONHARD KOSSUTH

Den Nachdichtungen liegen zugrunde: In einigen wenigen Fällen russische Nachdichtungen von *Юлия Нейман*; russische Interlinearübersetzungen im Buch *Двадцать стихотворений Абая* (Составитель *Марат Адипбаев*), Алматы, 2005, und in dessen erweiterter Ausgabe *Абай. Тридцать семь стихотворений* (Составитель *Марат Адипбаев*), Алматы Дом Печати Эдельвейс, 2006; zusätzliche russische Interlinearübersetzungen von *Герольд Бельгер*.

Der Nachdichter dankt Herold Belger für seine während der gesamten Arbeit gewährte Konsultation zugunsten der angestrebten Orientierung auf die Original-Vorlagen – einschliesslich der Bereitstellung von Literatur. Für Konsultation in Einzelfällen dankt er auch Sigrid Kleinmichel in Berlin. Für die kritische Beurteilung der jeweiligen deutschen Erstfassungen - seiner Frau Charlotte Kossuth.

© Leonhard Kossuth, D-13187 Berlin

1.

O Gott, erhöre mich doch:
Den Weg der Wahrheit zu gehn,
hilf mir! Vom Feinde bedrängt,
wen find ich, mir beizustehn?
Wo die Naiman, die Argyn
mich erstaunten Blicks verstehn –
die Tobykty, Schwätzer nur,
wollen mich gar nicht erst sehn.
Schenke ihnen reines Gold –
statt zu danken, werden sie
nur auf Kupfergeld bestehn.
Spar dir den Brokat – und bring
Samarkander Nesselzeug.
In die Luft könnte man gehn!
Platzte doch ihr Knoten auf,
stürzte ihr dummstolzer Kopf!
Lernen sie's nicht zu verstehn,
wo Gottes Weg ist – ob sie,
dann dem Schöpfungs-Biegestock
auch ihres Herrgotts entgehn?

1886

2. SOMMER

Sommerhitze, Sonnenglut –
Steppengras und bunte Blüten,
hochgeschossen, Samen setzend...
da zog an den wilden Strom
der Aul nebst Vieh und Gütern.
Schnaubend weiden – kaum aufscheinend
in dem hohen Gras – die Pferde.
Hengste, Füllen und – schwer atmend –
Stuten mit gewölbten Bäuchen
stehn im Wasser – mit den Schweifen
wehren sie der Bremsen-Pein.
Um sie tollern ausgelassen
jüngste Fohlen in dem Wasser.
Schnatternd schwirren ohne Ende
auf und ab die Enten, Gänse.
Junge Mädchen, junge Frauen,
graziöse Körper drehend,
unter Scherzen, unter Lachen,
Ärmel hoch, die Jurten bauen.
Schaukelnd kommt ein Bai geritten:
hat die Weiden und die Herden
inspiziert und kehrt in munterer
Stimmung zum Aul zurück;
aus dem Schlauch mit dem Kumys
füllt man ihm sofort den Becher,
stellt ihn vor ihn in der Runde
von Erwachsenen, deren Reden
schalkhaft und erheiternd ist.
Von Bediensteten geschickt,

quält ein Junge seine Mutter
„Mama, gib mir Fleisch – ein Stück.“
Unterm Baldachin, auf einem
bunten Teppich aus Kamelhaar,
neben sich den Samowar –
thronen Bais, stolz abgehoben.
Wenn ein Älterer das Wort nimmt,
ist's als wär's ein Wettkampfsieger:
alle lauschen, nicken Beifall –
wer hätt' ihm nicht zugestimmt!
Kommt da nicht ein Aksakal?
– weibes Hemd und Wanderstecken –
schild, als rührt' es ihn, die Hirten:
„Treibt das Vieh doch weiter weg!“
Doch indem er diese vorführt,
setzt er sich vorm Bai in Szene,
dab der ihm Kumys spendiert.
Weitschössig die Hirtenröcke –
auf nicht eingerittnen Rössern –
Pferdehirten heimwärts zockeln,
müd vom langen Tagewerk.
Wohingegen junge Burschen
längs des Flusses frohen Sinns
Jagd auf Wild betreiben, schiessen.
Und wenn sich der Falke aufschwingt
der im Flug Wildgänse schlägt,
sind sie alle wie verwandelt –
blicken wie ins Wunderland.
Nur ein Alter, dem vergangne
Kraft im Traum bloss aufersteht,
lacht lauthals – und folgt beklommen
dem, was ringsum vor sich geht.

1886

3. WINTER

Ein Riese in weissem Pelz, weiss auch sein Bart,
stumm und blind, keine Seele hätt er erkannt,
das grimme Antlitz voller Rauhreif, eiskalt,
so stapft er mit knirschenden Schritten durchs Land.
Sein Atem verströmt Schneegeästöber und Frost.
Der Winter - als Freier? - hat uns übermannt!
Die Mütze wolkengleich übers Haupt gestülpt,
das Gesicht - rot von Kälte, wie sonnverbrannt,
seine Brauen gleich Gewitterwolken kraus.
Ein Kopfschütteln - und Schnee wirbelt so rasant,
als schüttle ein Weib furienhaft die Welt
der Orkan reisst die Jurte fast aus dem Stand.
Die Kinder, für der Eltern Warnungen taub,
sind aus Neugier von diesem Schauspiel gebannt.
Der Schafhirt, der trotz wärmendem Rock und Pelz
seine Augen zukneift, geht sturmabgewandt.
Selbst das Pferd, an Trab auf Schnee und Eis gewohnt,
bringt der Frost an seines Überlebens Rand.
Diesem Winter trotzend, reisst der Wolf das Vieh.
Liebe Hirten, bewahrt, schützt den Tierbestand!
Treibt die Herden auf sichere Weiden fort,
wehrt dem Schlaf, Reisszähnen, wachet unverwandt!
Statt Wölfen füttert lieber der Weiden Herrn
leer wegzieh'n lasst den weissen Riesen vom Land.

1887

4.

Mondlicht überglänzt die Nacht,
bebt im Wasser-Spiegelbild.
Liegt auch der Aul* im Schlaf,
rauscht des Flusses Wirbelspiel.

Dunkles Grün verhüllt das Land.
Undurchdringlich steht der Wald.
Raschelnd führt sein Blattgewand
Zwiegespräche sonder Zahl.

In den Bergen widerhalln
Hundebellen, Hirtenschrei.
Vorn Aul – zum ersten Mal! –
harret ich dein zum Stelldichein.

Kühn warst du trotz scheuer Scham
– fast ein Kind, so zauberhaft – ,
als du fernher zu mir kamst,
atemlos vom schnellen Lauf.

Jedes Wort war hier zu viel.
Ach , mein Herz war heiss entflammt,
als du um den Hals mir fielst,
stumm dein Mund den meinen fand.

1888

5.

Ach, was hast du mir angetan?
Aus blinder Begier,
stolz gingst du von mir –
nur deinen Launen getreu.
Dich lockte der Tausch:
Vom Siege berauscht,
sahst du bloss den *anderen* Mann.

Wüsste ich nur: Warum marterst du mich?
Wo du dich mir entziehst,
ihm Gespielin bist –
da stört der Ehemann bloss.
Suchst du derart Lust
an des Liebhabers Brust,
bringst du nichts als Schmach über dich.

Unrettbar steht mein Herz in Brand.
Vom Flammenherd
ausgezehrt,
bin ich so gut wie entseelt.
Ich fühle mich wund
wie ein geprügelter Hund
und verliere vor Schmerz den Verstand.

Wer weiss schon, was das Morgen bringt.
Der Tod kommt stumm,
er kehrt auch nicht um,
statt meiner andre zu holen.
Zwar lebe ich noch,
ungerührt jedoch
folgst du eines anderen Wink.

Die Wege der Liebe sind schwer.
Glücklich, wer sie gewinnt;

der anderen Leben verrinnt
traurig und aussichtslos.
Nur Schimären vom Glück
bleiben zurück.

Ob ich dir in Gedanken einst wiederkehr?

Meine Kraft flieht von Stunde zu Stund.
Unerfüllt blieb mein Traum –
mein Herz erträgt kaum
den Abgrund der Trostlosigkeit.
Da ich dich verlier,
steht der Tod vor der Tür –
bleib du nur stets froh und gesund!

Ein wahrhaftes Herz ist ungeteilt.
Auch neu erregt
verlässt es vor Schreck
nicht den gemeinsamen Pfad –
schert nicht aus,
verrät nicht sein Haus
Zu seinem Wort steht es allezeit.

Du weisst alles, du hast Gespür.
Sei nicht ungerecht,
tröste deinen Knecht
bitte, lass mich nicht allein.
Niemand tadelt dich,
das beschwöre ich.
Wenn du Mitleid hast - komm zu mir.

Ich werde verrückt ohne dich.
Auch zutiefst gekränkt,
seh ich mich beschenkt,
wenn du kommst, und vergess alles Leid.

Selbst die Kraft für ein Wort
dich zu tadeln ist fort.
Ich zerfließe, verflüssige mich.

Hast du mir je Beachtung gezollt –
ein einziges Mal?
Was soll dir dein Gemahl!
Du schwandest und suchtest mich nicht.
Kein heisses Blut
bringt dich in Glut.
Hartherzige Liebste, leb wohl.

Geliebte, du trinkst dein Lustelixier.
Dein Antlitz – wie Sonnenlicht! –,
dein Leib – wie ein Gedicht! –,
in meiner Sehnsucht nur
werden sie mein:
Ach, könnten sie's sein!
Allah bestraft mich wohl. – Wofür?

Du hast mich einst angeblitzt. – Ein Versuch?
Gott richte dich!
Seine Waage spricht für sich.
Drum sei dessen bewusst:
Warst du flatterhaft,
droht dir Rechenschaft –
auf Kohlenglut büß den Gelöbnisbruch.

1889

6.

Was bedrückt dich, mein Herz, wonach suchst du?
Sag es doch, hab Vertrauen zu mir.

Deine Unrast erregt meine eigene Unruh.
Erlaub, dass den Grund wir zusammen aufspürn.

Ansehn verleiht uns der Beifall der Menge,
doch was soll uns flüchtiger Ruhm?
Die uns heute laut jubelnd umdrängen,
stürzen noch unsre Podeste um.

Es wird doch die Menge, die gottverdammte,
nicht für jene einstehn, die ehrbewusst.
Nein, Schwätzer, da sie nicht Gottenflamme,
entfesselt billigste Lästerei.

Auch deren Lob ist eher kränkend,
nur den Speichelleckern gemäss.
Freu Dich vielmehr auf Beständige, Denkende,
deren Urteil Vertrauen zulässt.

Riesengross ist der Jahrmarkt der Worte,
da werden potentielle Käufer gefoppt.
Der Marktschreier preist jedes gehortete,
doch sein Wort täuscht wie im Kaleidoskop.

Kauf keine Worte, die der Wind hinwegweht,
wenn der Händler auch Ehrlichkeit beschwört.
Die Dirne, die nur mit dem Geld ins Bett geht –
sie wählt nicht den Mann nach Wert.

Nie ergeb ich mich Schmeichelreden.
Verstand behauptet sich auch in Verweigerung.
Bedrängt von eitelkeitshörigen Ködern,
wähl ich lieber den Tod als Erniedrigung.

Das sogenannte Leben, die vorgebliche Welt –
sie gleichen in Wahrheit des Wassers Drift.
War's gut, war's schlecht, was ich in
Jahrzehnten erlebt –
so recht bedacht, war alles nur Gift.

1892

7.

Herz, mein Herz, was klopfst du so schnell?
Halt still, du ernstest nur Spott.
Wem immer wir uns traulich gesellt,
er erwies sich als Schlagetot.

Das Lamm blökt, wenn es die Mutter sucht,
und rupft doch saftiges Gras.
Herz, mein Herz, bist du gar auf der Flucht?
Was treibt dich zu solcher Hast?

Treue – du suchtest sie fruchtlos allzeit,
vergossest Tränen aus Gram.
Nirgends wurde dir Freundschaft zuteil,
nun irrst du herum wie das Lamm.

Mich hast du bisher kaum geschätzt –
vor seelenlosen Volks Rückhalt stumm.
Mir, glaubtest du, sei keine Frist gesetzt.
Nun brauchst du mich? Warum?

1892

8.

Der Liebe Sprache braucht kein Wort –
nur das Gefühl, der Herzen Schlag:
ein Blinken hier, ein Lächeln dort
genügt – und alles ist gesagt.

Einst hab ich diese Sprache gut –
ja, zur Vollkommenheit – beherrscht.
Doch ist für mich ihr Wörterbuch
schon längst wie durch ein Schloss versperrt.

1894

9.

Prahlerei macht dich nicht teurer,
die Tat erst zeugt selbst von Genie.
Baustein nur im Weltgebäude,
füg dich in dessen Symphonie.

Geist und Tatkraft – sie verbinden
Nacheiferer und Pionier.
Umsicht sowie Rechtsempfinden
sind jeden Erdenbürgers Zier.

Doch wenn Geist sich ohne Rechtssinn,
von Umsicht bar die Tat erweist,
wirkt das auf Kasachen schlechthin
der Wahl gleich zwischen Glut und Eis.

Tadle nicht entdeckte Habgier,
berechnend, das gäb Lob für dich.
Selber ein getarntes Raubtier,
streb nach verborgnen Ehren nicht.

Neid bei andren zu erwecken,
versuche nicht mit eigenem Prunk.
Quäl dich nicht, wenn Reichtums-Hecker
Besitz ausbaun mit grössrem Schwung.

Schreite festen Schritts, bedächtig,
Bestand hat was du schaffst allein.
Wer der Vorbildgabe mächtig,
wird jungen Volks Lehrmeister sein.

1894

10.

Stirbt auch, was irdisch war - der Mensch lebt fort,
ist auch zu Recht manch Augeschmerzumflort.
Doch wenn mir jemand sagt: „*Sie* ist gestorben“ –
ihr, die mir fehlt, gilt nicht dies dumme Wort.

Wer wird nicht kraftlos von des Lebens Mühn,
schleppt sich durchs Dasein kaum lebendig hin...
Doch darf man jemanden gestorben nennen,
wenn seine Worte in uns weiterglühn?

Wer will nicht, dass sein Herz stets weiterschlägt! –
Unsterblich - ists, wer sich auf Staub festlegt?
Wo ich zu finden bin, kann nur verstehen,
wer wach verfolgt, was mich zutiefst bewegt.

Wo immer Lebensgier den Tod verneint,
gilt, dass nichts diese Gegensätze eint.
Wer ganz der Welt gehört, das Jenseits ablehnt,
irrt, wenn er glaubensstark zu leben meint.

1895

11.

Das Ticken der Uhr dient nicht einfach dem Spass,
an des Lebens Vergänglichkeit nimmt es Mass.
Schon die Minute gleicht dem Menschenleben,
sie bricht an, ist dahin. – Ein Windhauch im Gras.

Uhren sind Diebe, ihr Ticken tarnt Raub,
Lebenstage schwinden – wie im Herbst das Laub.
Unbeständig, treulos, kommt die Zeit und geht,
blickt nicht zurück, wendet nicht – fast Geisterbraut.

Das Ticken an vergangnes Leben gemahnt,
werd dessen bewusst – ob erfreut, ob gebannt.
Auch wenn du es verdrängst, dich selbst betrügend –
längst erahnst du das, begreift es dein Verstand.

Zum Monat sammeln sich Tage – unhaltbar,
zwölf Monate aber ergeben ein Jahr.
Die Jahre eilen hin, das heisst: du alterst.
Oh, mein Hoffen und Glauben – war ich ein Narr?
Grosser Gott, erweis dich als mein Märchen-Zar!

1896

12.

O Glück des seltenen Augenblickes!
Du spürst – des Herzens Unrast schwand.
Als ob du's, gottgeleitet, fügtest:
zerstreut ist die Gewitterwand.

Harmonisch tönts durch blauen Frieden,
rauscht es, wie wenn ein Bergbach quillt.
Dein Sinn, kürzlich noch schwer und trübe,
ist hell, wie eben klargespült.

Aufleuchtet strahlend Gottes Sonne,
der Geist erwacht aus tiefem Schlaf,
Weltsicht aus Lebenskampf geronnen,
formt spielend Worte mächtiger Kraft.

Jetzt schlägt die Stunde des Poeten –
in Rückschau und in Utopien
fasst er des Weltalls Schmutz und Nöte,
gibt seinen Worten tätigen Sinn.

Mit Adleraug in Fernen blickend,
verspürt er Trauer, Schmerz und Gram.
Ein Feind von Ignoranz und Tücken,
sieht er sie herrschen – zornentflammt.

Ob er gerecht sei und verständig –
am Leben hat er längst erprobt,
was er – für nah und fern erkenntlich –
bewirken kann mit seinem Wort.

Kraftvoll zu dienen dem Planeten,
zu geisseln, was der Menschheit Last...
DIES heisst: Berufung des Poeten –
egal, ob man ihn schimpft und hasst.

1896

13.

Die Zukunft – sie liegt hinter graublauem Dunst.
Beherrschte ich doch eines Hellsehers Kunst!
Hin hasten Tage, sie werden zu Jahren
vergeblich erhofften Visionen-Funds.

Als glichen sie Träumen – die narren mich nur:
Auch von einstigen Zeiten blieb keine Spur.
Und jeglicher Tag kann mein letzter werden.
Nur Allah sieht weiter als diese Zäsur.

„Ich“ sind Seele und Geist, das „Mein“ ist der Leib –
Begriffe, deren jeder andres beschreibt.
Unsterblichkeit verleiht dem „Ich“ das Schicksal.
Das „Mein“ mag vergehen – ich flehe nicht: Bleib.

Ihr Herren, besticht euch nicht trotzdem das „Mein“
als Werkzeug, euch fleischer Lust zu erfreuen?
Winkt dann erst das Grab, besinnt ihr euch gnädig,
für Recht, Zuverlässigkeit, Liebe zu sein.

Geschieht es, du erraffst als Hochstapler Vieh –
das Gewissen vergisst die Täuschungen nie.
Vielleicht schmäht das Volk in dir nicht den Lügner –
das Leben verschlingt dich, wo jenes verzieht.

Kann auch sein, die endlose Welt nennst du „dein“,
was dir aber „dein“ scheint – gehört IHM allein.
Flieht die Seele, verlässt sie Leib und Güter.
Also sag: Was verbleibt dir dann noch vom „Mein“?

Hilf dem Erniedrigten, sei Stütze für ihn,
stärk ihn, Lebensmut aus dem Dasein zu ziehn.
Selbst den Schöpfer rührt der Vielzahl Ergehen.
Lieb sie auch, SEINE Liebe lohnt dein Bemühn.

Nenn die Vielzahl nicht einförmig, sie ist bunt –
vielen Kötern trotzst nicht der rassige Hund.
Der Mensch braucht Gerechtigkeit, Herzensgüte,
erweise ihm Hilfe – mit Allah im Bund.

Jeden prägt sein persönliches Element.
Schied ich immer Blender vom wahren Talent?
Die Angeber täuschen in seichem Wasser.
Nur wer tief blickt – Glauben und Wahrheit erkennt.

1897

14.

Schnödes Dasein! Was tun, da es uns bestiebt?
Wo blieb deine Kraft, einst entwarf sie dein Bild.
Das Leben schwankt zwischen Hoffnung und Trauer –
wen hätte es nicht in den Abgrund gespült?

Gibt's Genuß, an den sich kein Überdruß reiht?
Was ändert Verzweiflung für flüchtige Zeit?
Welches Gelüst in dem elenden Leben
ist es wert, dass es uns mit Freunden entzweit?

Die welken Lippen verschliess eitlem Geschwätz,
geh keinerlei Wollustbegierden ins Netz.
Steift Knorpel die Zunge, lähmt er die Lippen,
dass die Wahrheit sich deiner Sicht widersetzt?

1898

15.

Werd ich zu Erde, wenn der Tod mich rafft?
Verstummt die scharfe Zunge mädchenhaft?
Erstarrt zu Eis mein Herz, da es in Fehden
voll Hass und Liebe focht mit aller Kraft?

Wird gar zu meinem letzten dieses Jahr?
Ob früh, ob spät – der Schluss kommt
ungefragt.
Verurteilst du mein Scheitern, später Enkel,
weil ich dem kecken Herzen oft erlag?

Nur zu! Uns trennt des Todes tiefer Fluss.
Bin ich auch unklärbarer Schuld bewusst -
Kein Mensch verdient, dass man ihn
zweimal strafe.
Ich aber hab im Leben schon gebüsst.

Ach, fass nur meines Herzens bittres Leid!
Welch Rätsel ist es nur, das mich umtreibt?
Zum Mann gereift auf unwirtlichen Wegen,
stellt ich mich einsam Tausenden im Streit.

Aufzubegehren, kam ich in die Welt –
im Kampf zu List und zu Gewalt bereit.
Ward mit der Zeit erwachsener und klüger
und reifte doch nicht zu Vollkommenheit.

Auf mich allein gestellt, fand ich nur Spott
und blieb doch ungebeugt... Bewahr uns
Gott
vor solchem Los... Bemitleide, mein Enkel,
den, der so arm und einsam ass sein Brot.

Von Glut und Wut verzehrt, fühl ich mich
leer.
Dass ich nicht mehr erreichte, drückt mich
schwer.
Was aber nützt es, im Gedicht zu klagen:
In Versen bleibt es kein Geheimnis mehr.

1898

16.

Wenn dein Herz nicht in Flammen steht –
wer setzt den Verstand in Brand?
Wer durch Schöpfergeist sich nicht als Mensch erhöht,
bleibt er letztlich nicht Tieren verwandt?

Wenn Verstand nicht das Tun überwacht,
dann versandet des Lebens Pflug.
So geschieht es dir, dass im Alter verflacht
auch einst kühner Gedankenflug.

Wenn der Leib nicht der Seele gewährt,
was sie fordert, zerstört sie dein Wohlgefühl.
Doch bekommt er all das, was er selbst begehrt,
dann verliert die Seele ihr Spiel.

Seele und Leib besitzt auch das Tier,
doch hat es Gefühl und Verstand?
Welchen Sinn aber bietet das Leben dir,
bleibt die Welt für dich unerkannt?

Kam ich schon als Mensch auf die Welt,
durfte ich dumm sein? – Nein!..
Doch wenn man mein Volk für rückständig hält,
was befähigt mich, weiser zu sein?

1898

17.

Von vierzig Flicker umfasst
pocht weh mein gequältes Herz.
Zu lang schon trag ich die Last –
der vielen Kränkungen Schmerz.

Rings – Feinde, die Freunde tot,
wem wend ich noch Liebe zu?
Von Hass und Streitsucht bedroht,
find ich bei niemandem Ruh.

Das Alter steht vor der Tür –
vor ihm bewahrt kein Versteck.
Wer – störrisch – nie Leid verspürt,
für uns hat er keinen Zweck.

Ach, säh ich ein Herz in Blut
und schenkt' es mir Mitgefühl!
Mein Streben nach Lebensmut
ruft dich, ewig ungestillt.

1899

18.

Himmelan strebstest du dein ganzes Leben –
stolz, eigen, sorglos, Freuden hingegeben.
Eins mit der Natur, Wiesen und Kornfeldern,
wo Jahr um Jahr des Frühlings Mächte weben.

Doch deinen Weg – ihn säumten harte Jahre!
Sag, welche Ernte hast du eingefahren?
Gepeitscht von Winterfrost- und Feuerstürmen,
bliebst du doch ungebeugt, trotztest Gefahren?

Trübe Gedanken, Schicksalsschläge prallten
gegen dein Herz, schnitten ins Antlitz Falten.
Dein Kopf, gleich Weizenähren, wenn sie reifen,
sinkt immer tiefer von der Last des Alterns.

Wer stirbt schon gem und hält sich nicht begehrlieh
am Leben fest, als wäre er unsterblich!
Doch holt der Tod urplötzlich deine Seele –
wie wägst du zwischen Tod und Leben? Rede...

Zu Staub wird jeder – auch wer stolz verharrete.
Nur Flitter bleibt vom Glanz, der ihn heut narrete.
Weisst du denn, was das Morgen dir bereitet?
Kaum auf der Welt, wirst du vom Tod erwartet.

1899

19.

All mein Hoffen vertan, seine Blätter vergilbt.
Was ich immer erhofft – nichts hat sich
erfüllt.
Fast erdrückt es mein Herz, ersteht meinem
Blick
der vergangenen Zeit vielversprechendes Bild.

Nicht das Leben verflog – nur ein flüchtiger
Traum.
Hätt ich lieber gelebt, statt auf Träume zu
baun.
Jeder sieht's: Keine Kraft mehr hab ich im
Arm,
auch mein Herz ist verglüht, selbst die Sonne
wärmt kaum.

Steppen-Luftbildern gleicht vieler
Mitmenschen Wort.
Lug und Trug bieten sie einen schändlichen
Hort.
Abhold Frieden und Treu sinnen sie nur auf
Streit.
All dies, Freunde, bedenkt, wenn ihr euch um
sie sorgt.

1901

20.

Der Schmetterling mit Pracht-Dekor
tanzt übers Sommerfeld beschwingt.
Märzbecher dort sind längst verdorrt,
doch stirbt nicht auch der Schmetterling?

Vieles erfüllt des Menschen Sein.
Doch ob es Liebe, Kränkung, Lust,
ob Schöpfertum, ob Plackerein –
sein Reden auf Erwägung fusst.

Ein jeder lebt in seiner Zeit,
wer macht sie sich schon unertan?
Ein Tropf, wer nur den Rahm abseht –
einst bricht auch seine Stunde an.

1902

АБАЙ

ДВАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

В ПЕРЕВОДЕ

НА РУССКИЙ ЯЗЫК

1.

О, помоги к стопам твоим
Найти, создатель, путь прямой.
Когда за горло схватит враг –
Дрожу от ярости немой.
Аргынцам и найманцам, тем
Мои слова – родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл – лишь звук пустой.
Им слиток золота даю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.
Дай им из Самарканда бязь,
И, ею тотчас же прельстясь,
Они расстанутся с парчой.
Конец их чванству положи.
Когда ж, создатель, узел лжи
Разрубишь ты своей рукой?
О милосердия отец,
Когда безумцы наконец
Падут, повержены тобой?

Перевод В. Бугаевского

2. ЛЕТО

Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы
Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки,
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво,
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливые стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криками оглашая
Степной простор далеко вокруг,
Женщины юрты ставят ловко.
Видны уверенность и сноровка
В плавных движеньях их белых рук.
Бай, объехав свои отары,
Довольный скотом и самим собой,
На статном коне трусит домой
К закипающему самовару.
Хозяйка льет из сабы кумыс,
Уже домочадцы в кружок сошлись,
А мальчик, посланный батраками,
Вертится рядом, ласться к маме,
Просит жалобно: “Мяса дай!”
В тени навеса готовят чай,
И в ожиданьи горячего чая,
На кошмах важно усевшись, баи

Ведут беседу между собой.
Пока один, не в меру болтливый,
Трещит не смолкая, другие учтиво
Кивают рассказчику головой.
Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: “Отгоните скот!”
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.
Табунщики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга,
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если, выпущенный из рук,
Стремительный беркут ввысь взвывается
И крупного селезня схватит вдруг...
Что было, прошло и уже не вернется
К бедняге, дряхлому старику.
Он сделал всё на своем веку
И, празднично стоя на берегу,
В угоду юношам громко смеется.

Перевод А. Жовтиса

3. ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живёт, с омрачённым челом,
Он, скрипучий, шагает в степях, снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его – стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли – нахмуренный вид;
Головою тряхнёт – скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестискладная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щёки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дублёном пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лёд,
И голодный табун еле-еле бредёт.
Скалит жадную пасть волк – союзник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун.
Не поспав, не умрёшь, надо быть посмелей!
Всё же лучше, чем волк, Кондыбай и Конай.
Деду мы не дадим пировать средь степей!

Перевод Вс. Рождественского

4.

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.

Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.

Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший – в тишине.
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.

И отважна и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя.

Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

Перевод Ю. Нейман

5.

Ах, что за жребий ждет меня!
Уйдешь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменяя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забыт супруг, –
Глядишь вокруг,
Ища других
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.

Гляди – душа моя в огне
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный, как пес, –
Истаивает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придет, таясь,
Последний час,
Придя, не отойдет от нас.
Еще дыша,
Живет душа,
А вот – другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг – живешь,
А нет – так что ж?
Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томит смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета – уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну что ж? Живи – хоть далека!

Коль сердце верное, – оно
Идет, не думая,
Вперед,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрет за слово лишь одно.
Судить умеешь ты умно,
Так своего утешь раба,
Не говори, что не судьба,
Вернись, никто
Тебя за то
Не упрекнет, –
Мне так темно!
Как я люблю!

Я удручен,
Но не скажу я ничего,
Когда придешь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, –
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелен.

Твой взгляд еще ни разу мне
Не подарил любви огня.
Ты не вернулась и меня,
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови
Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнем,
Велел Аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагодарностью казня.
Стрелу метнула ты в меня
Слепую – Бог судья тебе.
Но знай, никто в своей судьбе
Не волен. Твой неверный шаг –
На справедливости весах.
Не будет он никем прощен
До рокового смерти дня!

Перевод Д. Бродского

6.

Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?
Беспокойно вести жизнь такую?
Все стремишься куда-то, все рыщешь.
Сядь-ка рядом, дружок – потолкуем.

Лишь о ком зашумят без умолку –
Глядь – и слава бежит повсеместно.
Но от этой хвалы много ль толку,
Коль причина ее неизвестна?

Не помянет глупца добрым словом
Тот, кто разум имеет в запасе.
Справедливым внимай да толковым –
Вот и станет глупец не опасен.

Восхваленья льстеца все лукавы,
И душе есть в них польза едва ли.
Добиваются многие славы,
Чтобы больше уж их не ругали.

Все продажно – и слово, и дело, –
Покупать не спеши – жди подвоха.
Кривда вновь колесо завертела,
И в чести у ней лжец и пройдоха.

Коль продажны слова, то к чему же
Покупать их. А так ведь бывает,
И продажная женщина мужем
Лишь того, кто ей платит, считает.

Никогда меня лесть не прельщала,
Как меня бы порой ни хвалили.
От глупцов на земле толку мало,
Смерть придет – станут все горстью пыли.

Жизнь, богатство и почести эти
Как вода утекают лукаво.
И в плохом, и в хорошем на свете
Коль подумать – одна лишь отрава.

Перевод М. Касаткина

7.

Сердце, не бейся тяжко в груди!
Стало для них ты смешным, пойми.
На прежних друзей своих погляди:
Можно ль назвать их людьми?

Блеет ягненок, зовет к себе мать,
Но стихнет – и снова щипает порей.
Сердце, куда ты рвешься опять,
Чаще стучишь и сильнеей?

Верности тщетно жаждало ты
И много пролило горьких слез –
Что же опять, среди темноты,
Бродишь как брошенный пес?

Мной помыкало ты – помнишь? – всегда,
Бросить хотело меня совсем:
Скоро придет моя черед...
Нужен тебе я... зачем?

Перевод М. Касаткина

8.

Язык любви – язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка
Его основа из основ.

Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значенье –
Увы! – давно уж под замком.

Перевод Ю. Нейман

9.

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив – гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий – видит путь,
Догоняющий – вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость – вот свет души.

Если воля есть, ум живет.
Доброты же и правды нет, –
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи – смотри,
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери.

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти.
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, –
И тогда не погибнет труд.
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно, в земле прорастут.

Перевод Вс. Рождественского

10.

Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет – не кончен век.
Я разлучен был с Нею. О разлуке –
“Все это смерть” – один невежда рек.

Над нами широки судьбы права.
Мы часто в жизни держимся едва.
Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?

Кто не полюбит жизни быстрину?
Ты хочешь видеть море – зри волну.
Себя ты не познаешь, друг мой, если
Ты не постигнешь мысли глубину.

Кто смерть хулил – тот жизни пел хвалу.
Я крайностей судьбою не слышу.
Кто жизни рад и равнодушен к смерти,
Того я жизнестойким не зову.

Перевод Л. Озерова

11.

Не просто это – звук часов: “тик-так”,
То уходящих дней бесспорный знак.
Прошла минута – стала жизнь короче,
И жизни бег не удержать никак!

“Тик-так”... Часы отсчитывают путь.
Часы напоминают: “Не забудь:
Проходит все. Необратимо время.
Прошедшее вовеки не вернуть!”

Хоть расшибись, а все же это – так!
Уносит жизнь привычный звук “тик-так”.
Хоть все обманывать себя готовы,
Но втайне это понимает всяк.

Так день за днем, и так – за годом год,
И вот уж старость – у твоих ворот...
Не вечен, видно, век у человека,
И лишь Предвечный – верный наш оплот.

Перевод Ю. Нейман

12.

Случаются мгновения: тревога
Оставит душу. И небесный луч,
Как будто по благословенью Бога,
Рассеет с неба стаи темных туч,
Созвучия небесного чертога
На землю хлынут, и в земной тиши
Застывшие обида и тревога
Их волнами смываются с души.
И солнце светит в середине неба,
Как золото в нагой голубизне.
И в мире вдруг является потреба
Мечты о человеческой весне.
Тогда поэт, воспрянув мыслью снова,
И понимая дел и слова связь,
Усилием пророческого слова
Грехов вселенских обнажает грязь.
Он вдаль глядит своим орлиным взглядом,
И время, и пространство одолев,
И на коварство с ненавистью рядом
Обрушивает беспощадный гнев.
Он справедлив. Его душа права,
В ней жизнь и свет. Он не боится риска.
Доверенные совести слова
Слышны везде: и далеко, и близко.
И тем словам преграды в мире нет.
Он действует разумно и умело.
А то, что миру говорит поэт, –
Хулить и ненавидеть – ваше дело.

Перевод М. Дудина

13.

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они – не порадуют глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок,
Аллаху лишь зрима судьба искони.

“Я”, – разум промолвит.
Плоть скажет: “Мое”.
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное “я” никогда не умрет.
“Мое” – это только земное жилище.

Зачем же “моим” ты так жадно живешь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость – вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнешь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутишь безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
“Мое”, – это капля воды среди рек.
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвется от тела навек?!

Беспомощных лучше желей и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;
О людях заботился даже творец,
Полюбит тебя он, коль любишь народ.

Но помни: толпа и народ – не одно.
Есть люди и волки – уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твое милосердья полно.

Всем смертным удача и благо нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядут на мель,
Лишь вера и правда – на гребне волны.

Перевод В. Звягинцевой

14.

Посмотри, этот мир тебя грабит, жесток.
Прежних сил в тебе нет, и лицом ты поблек.
С жизнью, где за надеждой стоит сожаленье,
Состязаться в задоре, признай, ты не смог.

Есть ли сладость, чей вкус никогда не пройдет?
Если жизни скупой так недолог полет,
Разве стоит в ней что-то, чтоб ссориться с ближним,
Или с другом расстаться, спеша лишь вперед?

Пусть губами в тебе не глаголет язык,
Лицемерию плоти служить он привык,
Где язык – без костей, губы виснут без края,
Закрывая, как пологом, истины лик.

Перевод А. Кодара

15.

Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий – девушкой немой?
Бездушным льдом – пылающее сердце,
Что за любовь боролось с жизнью злой?..

Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди!.. Меж нами – немоты стена.
Суди, но помни: пусть страшна вина, –
За грех один карать не нужно дважды,
А я, живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я – человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!

Задирую в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне... Никто мне не помог.
Свободы я не знал... Спаси вас бог
От этой доли... Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одинок!

Мое довольство – призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено!
Но каяться в стихах – не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.

Перевод Ю. Нейман

16.

Коли в сердце нет воли, ничто
Не разбудит уснувшую мысль.
Коли света нет в разуме, то
Суждена тебе скотская жизнь.

Коли разум твой воли слабей,
То ему не постичь глубины.
Старца ум с каждым днем все грубей
От привычек, что пуще вины.

Жажду плоти душа утолит,
Но сама же ослабнет потом.
Плоть надеется и не скорбит,
И не знает отказа ни в чем.

У животных душа есть и плоть,
Но без разума, чувства и слов.
Что за радость прожить, о Господь,
Не вникая в глубины основ?

Коль слывешь человеком, тогда
Быть невеждой тебе не в чести,
Коль народ мой невежда, куда
Мне пойти, чтобы честь обрести?

Перевод Ю. Кузнецова

17.

На сорок лоскутов тоскою
Растрезано ты – каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем?

Те – взяты землей, те – враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот – ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое.
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! оглянись на них
И вспомни величье бывшее
Желаний бесплодных твоих.

Перевод М. Петровых

18.

Рос ты быстро, стремясь в небосвод голубой,
С гордой, смелой, беспечной и вольной душой.
Как широкий зеленый ковер спелой жатвы,
Ты привольно покрыл твердь равнины земной.

Много пагубных лет миновало с тех пор.
Вот и время серпа начинает свой сбор.
Все сполна испытав: зной и стужу, и слякоть, –
Не сломился ты духом, и молод твой взор.

Истомилась душа: все труды и труды.
На лице твоём страшные знаки беды.
Словно во поле колос налитый, тяжелый,
Твою голову клонит в твои же следы.

Человек умирает, уж так суждено,
Но – творит, будто смерти ему не дано.
Вот покажется смерть, украдет твою душу.
Где окажется жизнь и с ней ты заодно?

Нынче живы народы, а завтра их нет.
Блеском краткого дня обольщаться не след.
Угадаешь ли ты, где очутишься завтра?
Ты пришел, чтоб уйти, вот и думай, мой свет.

Перевод Ю. Кузнецова

19.

Я надеялся – листья надежды желты.
Я так долго мечтал – обманули мечты.
Сердцу тяжело, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.

То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце – жар, и лицо разругал ли он?

Как миражам степным, людям верить нельзя.
Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Лгут, лукавят; заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!

Перевод А. Гатова

20.

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят –
И они назад не летят.

Людам всем дана, всем подряд,
Черета удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех– стар иль млад.
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь – тоска и смех, блеск и чад.
Срок придет, и ты смертью взят.

Перевод М. Петровых

НА ПУТИ К НЕМЕЦКОМУ АБАЮ

I

Сколько написано статей и произнесено слов о том, что Абай до сих пор звучит в переводах неадекватно! И я о том писал не раз, обстоятельно анализировал разные переводы, даже объяснял, почему именно трудно переводить Абая, в чем тут причина и какие могут быть тут пути-выходы. И книг с переводами Абая составил в разное время немало. Был инициатором того, чтобы в сборниках Абая одно и то же стихотворение его давалось в разных переводах, дабы читатель мог сравнивать, сопоставлять, анализировать, “постигнуть суть”, как сам призывал Поэт. Более того, для двуязычных я предлагал непременно приводить и оригинал. Таких сборников существует уже несколько. По этому пути пошел и переводчик Марат Адипбаев, подготовив своеобразную книгу “Двадцать стихотворений Абая”, в которую, помимо других на его взгляд удачных переводов, он дерзнул включить и собственные переводы. Такой путь мне кажется наиболее оптимальным в постижении поэзии Абая.

Однако в данной статье мне хочется поговорить не о русском Абае, а о немецком. Абая на русский язык переводят уже давно, и переводчиков его существует не один десяток, а вот Абай для немецкого читателя пока что *terra incognita*. Немецкий народ имеет представление о великом казахском поэте и мыслителе главным образом по “Пути Абая” Мухтара Ауэзова, изданном на заре ГДР, и кратким статьям в энциклопедических словарях. И хотя наши доброхоты и донкихоты, как, например, писатель Калмухан Исабай, усиленно

пропагандируют Абая в Германии, используя для этого все мыслимые и немыслимые возможности и обстоятельства, и даже добились того, чтобы в Берлине появилась улица имени Абая, однако само творчество казахского классика, переводившего через Лермонтова гетевского “Wanderer’s Nachtlid”, до сих пор немецкому читателю крайне мало или почти неизвестно. То, что переведено на немецкий язык, – факт спорадический. И, кажется, ни одно стихотворение Абая на немецкий язык не переведено непосредственно с оригинала. Все имеющиеся переводы сделаны с русского. Следовательно, переводческие изъяны на русском волей-неволей отражаются и на немецком, ибо скрупулезные и дотошные немцы переводят по обыкновению весьма точно, стараясь максимально соблюдать и содержание и форму того, с чего переводят, следуя аккуратно и честно всем его внешним признакам, стремясь, насколько возможно, избегать какой-либо отсебятины и вольности. Уповаю на время, когда родится переводчик, способный адекватно передать Абая на языке Гете прямо с оригинала, что в настоящее время и представить мудрено.

II

Спрашивается: “Что переведено из Абая на немецкий язык к настоящему времени?”. Вот что мне доподлинно известно:

В 1976 году Герберт Генке издал в Алма-Ате антологию казахской поэзии на немецком языке под названием “Rhythmen der Steppe”. В этот сборник вошли два стихотворения Абая: “Des Mädchens Antwort” (пер. S.Österreicher). Потом, после долгих лет, в 1993 г. в альманахе “Феникс” (№ 2) были опубликованы три стихотворения Абая – “Schmetterling”, “Das sind die Jungen, das Ende der Welt” и

“Auf den Bazar, wie ich sehe, jeder führt hin” в переводе лужичанки Розы (Руже) Домашинной. Помню, эти переводы принес мне поэт Кайрат Бакбергенев, равнодушный к немецкой поэзии и многие годы поддерживающий творческие контакты с сорбами. Домашина в примечании оговорила: перевод осуществлен при участии Кайрата. От имени редакции альманаха я предпослал этой подборке предисловие, в котором, в частности, сказал: “Не будем вдаваться здесь в обстоятельный филологический анализ переводов (как русского, так и немецкого), дабы не выявлять – как выразился сам Абай – “огрехов, видных на каждом шагу”. Речь идет о самом культурологическом факте, духовном стремлении, порыве, об опыте постижения Абая. А чтобы гипотетический читатель имел возможность судить о переводе, сопоставлять и анализировать, мы посчитали целесообразным привести и оригинал, и его русское переложение. Первое стихотворение в оригинале называется “Тоты құс түсті көбелек” (в пер. М. Петровых “Мотыльки, чей светел наряд”), второе – “Заман ақыр жастары” (в пер. А. Арго “Погляди на молодежь”), третье – “Базарға қарап тұрсам, әркім барар” (в пер. Л. Шифферс “Каждый за товаром едет на базар”). Переводы Р. Домашинной оставляют двойственное впечатление. Они лишены рифмы, передают лишь буквальный смысл, и тем самым больше похожи на подстрочный перевод русского текста. Получилось то, что казахи называют “бір қайнауы ішінде”, т.е. “нечто еще недоваренное”, “то, что нуждается еще в одной варке”. Это еще не художественный перевод, а, скорее, проба, опыт, переклад.

То же примерно я могу сказать о переводах трех стихотворений Абая, осуществленных гражданином Германии Томасом Кеманном, – “Der Jünglings

Worte”, “Der Sommer”, “Ich bin enttäuscht”. Они опубликованы в журнале “Абай” (№ 10/94). Удачными я эти переводы не назвал бы. Переводчик рабски следовал русскому тексту, не чувствуя, не ощущая достоинства оригинала. Если Лев Толстой считал перевод “изнанкой ковра”, то здесь мы имеем дело с изнанкой изнанки. Отдаленная тень есть, но и только.

Накануне 150-летия со дня рождения Абая, известный казахский прозаик, президент Казахского ПЕН-клуба Абдижамил Нурпеисов пригласил в Алматы выдающегося русского поэта Михаила Дудина. И тот по моим подстрочникам перевел на русский язык 34 стихотворения Абая. По его переводам по моей просьбе Герберт Генке “онемечил” пять стихотворений, и я их на трех языках опубликовал в газете “Deutsche Allgemeine Zeitung”, журнале “Абай” (№ 12/94) и альманахе “Феникс” (№ 10/95). Вот эти стихотворения в немецком названии: “Der Liebe Sprache ist Gefühl”, “Mitunter wird das Herz wie toll”, “Bin erniedrigt und verlacht”, “Werden blass und werden rot”, “Wenn ich sterbe...”.

В этих переводах тональность, ритмомелодика оригинала прочувствованы и уловлены. В них в определенной степени присутствует дыхание Абая. В соотнесенности с русским текстом находится и перевод стихотворений Абая “Du bist meiner Augen Kraft”, “Schwer bedrückt ist mein Gemüt”, выполненный Гербертом Генке (DAZ, 3.06.95).

В 2001 году в Алматы вышла на немецком языке проза Абая “Buch der Worte” в переводе Ларисы Захаровой и фрайтага (псевдоним театрального деятеля из Германии). До того этот перевод был

опубликован в альманахе “Феникс” (№№ 13, 14, 15, 16 за 1996 г.).

И это, думаю, все, что мы имеем из переводов Абая на немецком языке. По крайней мере все, что мне известно.

Неожиданным было для меня подключение к переводу Абая старого знакомого, переводчика, критика, издателя, эссеиста, давнего друга казахской литературы, берлинца Леонарда Кошута. Вот об этом, собственно, и речь.

III

А БЫЛО ТАК

В 2003 году Исполком Казахского ПЕН-клуба принял решение о присуждении своей премии гражданину Германии Леонарду Кошуту за выдающийся вклад в пропаганду казахской литературы и развитие творческих контактов. Решение было справедливое и единодушное. Популярность Л. Кошута в литературной среде стран бывшего СССР велика. У него в СНГ много верных и искренних друзей. В начале мая 2003 года Лео (так его все зовут) прилетел в Алматы. Это был его восьмой приезд в Казахстан. Был он в добром расположении духа, общителен, улыбчив, активен, общался с друзьями, выступил с обстоятельной речью на торжественной церемонии вручения премии Казахского ПЕН-клуба, ходил по городу, фотографировал, в День Победы посетил парк, постоял у Вечного огня, давал интервью, бывал в гостях. Я преподнес ему несколько своих книг, а среди них и “Buch der Worte” Абая. Подписал я это издание шуточно: “Ну, должен же быть у казахстан-

ца Лео Кошута Абай. Иначе Лео не поймет казахов, а Абай – Лео. А это было бы досадным недоразумением. Герольд. 07.05.03”.

Слова эти потом Лео Кошут поставил эпиграфом в письме ко мне. В том письме из Прендена (20.09.03) он писал: “Я, конечно, внимательно отнесся к такому посвящению в подаренной мне Вами книге и внимательно ее прочел. А теперь надо проверить, насколько я из нее извлек способность “понять казахов” (да еще самого Абая). Прилагаю к письму две попытки перевести стихотворения Абая. Пришлось, к сожалению, исходить из русских переводов. Пожалуйста, проверьте, насколько мои тексты соответствуют казахским оригиналам. Я специально прилагаю тексты в двух экземплярах, чтобы Вы могли на одном сурово и без скидок написать Ваши критические заметки и прислать их ко мне. До абсолютного соответствия все равно не дойти. Но я хотел бы, редактируя свои переводы, знать, к чему надо стремиться. Будь я моложе, то я поставил бы себе задачу перевести побольше. А так я, в крайнем случае переведу еще одно стихотворение и в таком случае тоже пришлю, исходя из немецкой поговорки “Alle guten Dinge sind drei”.

Первое стихотворение, которое перевел Кошут, называется у Абая: “Ғашықтың тілі – тілсіз тіл”. Вот как оно звучит в оригинале:

*– Ғашықтың тілі – тілсіз тіл,
Көзбен көр де, ішпен біл.
Сүйісер жастар қате етпес,
Мейлің илан, мейлің күл.*

*Ол тілге едім оңдайлы
Қаріңсіз біліп сондайды.
Біліп-ақ, ұғып қоюшы ек,
Енді ішіме қонбайды.*

Милая лирическая миниатюра с игривой, исповедальной концовкой. Традиционный семи-восьми-сложник с формой рифмовки ааба. Приведу для сравнения два перевода этой миниатюры на русский язык, дабы читателю все стало понятней.

Перевод Ю. Нейман

*Язык любви - язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка
Его основа из основ.*

*Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значение –
Увы! - давно уж под замком.*

Перевод М. Дудина

*Язык любви живет без слова.
В нем полужест и полувзгляд –
Незаменимая основа
Двух объяснений наугад.*

*Как были тайные создания
Нам этой азбуки важны
Теперь, увы, ее познания
Мне, к сожалению, не нужны.*

Положа руку на сердце: перевод Юлии Нейман мне кажется предпочтительней. Он ближе к оригиналу по содержанию, по лексике, по мелодике, легкости и изяществу, по форме рифмовки. Видимо, не зная оригинала, Лео Кошут каким-то образом это почувствовал и при переводе миниатюры на немецкий язык руководствовался именно вариантом Нейман, хотя ему был знаком и вариант Дудина. И что же получилось?

*Der Liebe Sprache braucht kein Wort –
Nur das Gefühl, der Herzen Schlag:
Ein Blinken hier, ein Lächeln dort
Genügt - und alles ist gesagt.*

*Einst hab ich diese Sprache gut –
Ja, zur Vollkommenheit – beherrscht.
Doch ist für mich ihr Wörterbuch
Schon längst wie durch ein Schloss versperrt.*

По-моему, получилось мило, прочувствовано, адекватно. Дыхание, мелодика, ритм, размер вполне созвучны с оригиналом. Следуя русскому тексту, немецкий переводчик сумел услышать оригинал, передать интонацию, настрой стихотворения. А это, согласитесь, главное. Что касается лексической близости, то она очевидна. Конечно, переводчик прибег к перекрестной рифме, ибо загнать семивосьмисложную строфу в рифму ааба по-немецки представляется невозможным. Можно придаться к неполному созвучию рифм “gut” - “buch”, “beherrscht” - “versperrt”, но такова природа немецкого языка. На рифмы немецкий язык, в отличие от казахского, не очень-то богат, что признано многими немецкими поэтами.

На мой взгляд, перевод Л. Кошута вполне состоялся и приемлем. Я ему так и написал.

IV

Второе стихотворение Абая, переведенное Кошутым, – очень сложное, исповедальное, программное.

В этом стихотворении, написанном за несколько лет до кончины, Абай как бы подытоживал свою полную борьбы и жестоких тяжб жизнь, обратился к потомкам, раскрыл свою душу и сердце, исповедовался перед временем. Об этом, совершенно

потрясающем по эмоциональному заряду стихотворении Абая я написал этюд “Исповедь поэтов”, где я сравниваю и анализирую “Когда умру, не стану ли землей” Абая в контексте с “Ehexgi Monumentum” Горация, “Памятником” Державина и Пушкина, “Vermächtnis” Гете, ибо эти итоговые шедевры гениев разных народов очевидно перекликаются духовно.

Считаю нужным привести здесь оригинал в полном объеме.

— *Өлсем, орным қара жер, сыз болмай ма?
Өткір тіл бір ұялиақ қыз болмай ма?
Махаббат, гадауатпен майдандасқан,
Қайран менің жүрегім мұз болмай ма?*

*Амалсыз тағдыр бір күн кез болмай ма?
Біреуге жсай, біреуге тез болмай ма?
Асау жүрек аяғын шалыс басқан
Жерін тауып артқыға сөз болмай ма?*

*Сонда жауап бере алман мен бейшара,
Сіздерге еркін тиер, байқап қара.
Екі күймек бір жанға әділет пе?
Қаны қара бір жанмын, жаны жара.*

*Жүрегімнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла,
Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма!*

*Жасымда албырт өстім, ойдан жырақ,
Айлаға, ашуга да жақтыым шырақ,
Ерте ояндым, ойландым, жете алмадым,
Етекбасты көп көрдім елден бірақ.*

*Ой кіргелі тимеді ерік өзіме,
Сандалмамен күн кешкен түспе ізіме,
Өзі ермей, ерік бермей, жұрт қор етті,
Сен есірке, тыңшии ұйықтат, бақсөзіме!*

*Ишим - толган у мен өрт, сырымды дурдей,
Мен келмеске кетермін тук өндірмей,
Өлең шіркін – өсекиі, жұртқа жаяр,
Сырымды тоқтатайын айта бермей.*

Очень насыщенное, плотное по смыслу и эмоциональному накалу стихотворение. Каждая строчка полна скорби, печали, гордости, достоинства, внутренней силы и убеждения. О каждой строфе можно написать развернутый трактат. И опять считаю целесообразным привести два перевода на русский язык. Вот как прозвучало это стихотворение в переложении Юлии Нейман:

*– Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий – девушкой немой?
Бездушным льдом – пылающее сердце,
Что за любовь боролась с жизнью злой?..*

*Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!*

*Суди! Меж нами – немоты стена,
Суди, но помни: пусть страшна вина, –
За грех один карать не нужно дважды,
А я, живой, за все платил сполна!*

*Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я – человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог... не обессудь!*

*Задиркою в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.*

*Мешали мне... Никто мне не помог.
Свободы я не знал.. Спаси вас Бог
От этой доли... Пожалеј, потомок,
Того, кто скорбен был и одиноч!*

*Мое довольство – призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено!..
Но каяться в стихах – не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.*

Прежде чем подробнее поговорить о достоинствах этого перевода, обращаю внимание читателя на вариант Дудина. Думаю, это любопытно.

*– Умру и стану вновь землей.
И мой язык насмешкой злой
Не тронет ледяным коварством
Сердец, обиженных судьбой.*

*Но рок судьбы нагрянет в срок
На твой порог и мой порок
И пересудит все ошибки
На перекрестках всех дорог.*

*Я, бедолага, в том кругу,
На том открытом берегу
За все, что не было и было,
Ответить дважды не смогу.*

*Ты в глубину мою взгляни,
В мои загадочные дни.
Там ныне светят всем, запомни,
Оставленные мной огни.*

*Я рос, и мой упрямый пыл
Костры в седой ночи полил
И путеводною звездою
Проводникам в дороге был.*

*Я там с собою принял бой
Свою болью и судьбой.
А за беду и униженья,
Потомок, сжался надо мной.*

*Нутро мое – огонь и яд,
В нем все терзанья догорят.
А песня – сплетница-чертовка –
Все миру выложит подряд.*

Присмотримся внимательнее к этим переводам. Абай очень любил вопросительные конструкции. Вопросы его часто риторические (их особенно много в философской прозе). Абай не любил говорить в лоб, категорически, он постоянно сомневается, задает вопросы себе и читателю, ищет правду, взыскует истину. Он не говорит: “Умру и стану я землей”, он как бы спрашивает: “Если я умру, не станет ли мне местом мать-сыра земля?”. Он не утверждает: “Не тронет ледяным коварством сердец, обиженных судьбой”. Нет, он опять-таки спрашивает: “Бедное мое сердце в борении любви и подлости не станет ли льдом?”. Не говорит Абай: “Но рок судьбы нагрянет в срок”. Он опять-таки спрашивает: “Не встретится ли однажды неизбежная судьба”? Он не говорит так мудренно-изысканно-вычурно: “На твой порог и мой порок”. Он просто делится с читателем-собеседником: “К кому-то рано, к кому-то ль поздно придет тот последний срок?”.

Вот еще ударные абаевские строки в этом своеобразном завещании:

*“Я – человек с загадкой, помни это!”
“Я с тысячью один боролся, не вини меня”
“За мной не следовали, воли не дали, унижали”
“Уйду в небытие, ничего не совершив”
“Я внешне лишь мастак, внутри – огонь и яд”*

Стихи в оригинале написаны традиционным казахским одиннадцатисложником с рифмой ааба. Дыхание размеренное, тональность раздумчивая, поступь тяжелая, слова весомые. Поэт серьезно беседует со своими потомками, призывает: “Не обессудь меня, пойми, участь моя была тяжкая. Я рос в борьбе, в одиночестве. Я рано проснулся, был пылок, но меня не поняли, не поддержали”. Вот прозаический смысл стиха. Но в конце, как бы смутившись своей откровенностью, поэт спохватывается и обрывает свою доверительную исповедь, понимая, что стихи – сплетница, оглашающая твою тайну.

После сказанного прошу читателя еще раз прочитать переводы Нейман и Дудина и самому сделать кое-какие выводы. Я лично не умаляю поэтические находки и версификационную игру Дудина, но мне больше импонирует переложение Нейман, ибо она наиболее точно уловила дух стихотворения и убедительно передала его ритмомелодику, да и лексически она максимально точна. Дудин несколько вольничает, переиначил ритм, допускает эффектные поэтические фигуры, украшает текст, чего ясный, мудрый, открытый Абай не жаловал. Видимо, инстинктивно и Кошут это почувствовал. Он опять-таки пошел по следам Юлии Нейман. И, полагаю, это было верное решение.

Вот что у него получилось:

*Werd ich zu Erde, wenn der Tod mich rafft?
Verstummt die scharfe Zunge mädchenhaft?
Erstarrt zu Eis mein Herz, da es in Fehden
voll Hass und Liebe focht mit aller Kraft?*

*Wird gar zu meinem letzten dieses Jahr?
Ob früh, ob spät – der Schluss kommt ungefragt.
Verurteilst du mein Scheitern, später Enkel,
weil ich dem kecken Herzen oft erlag?*

*Nur zu! Uns trennt des Todes tiefer Fluss.
Bin ich auch unklärbarer Schuld bewusst –
Kein Mensch verdient, dass man ihn zweimal strafe
Ich aber hab im Leben schon gebüßt.*

*Ach, fass nur meines Herzens bittres Leid!
Welch Rätsel ist es nur, das mich umtreibt?
Zum Mann gereift auf unwirtlichen Wegen,
stellt ich mich einsam Tausenden im Streit.*

*Aufzubegehren, kam ich in die Welt –
im Kampf zu List und zu Gewalt bereit.
Ward mit der Zeit erwachsener und klüger
und reifte doch nicht zu Vollkommenheit.*

*Auf mich allein gestellt, fand ich nur Spott
und blieb doch ungebeugt ... Bewahr uns Gott
vor solchem Los ... Bemitleide, mein Enkel,
den, der so arm und einsam aß sein Brot.*

*Von Glut und Wut verzehrt, fühl ich mich leer.
Dass ich nicht mehr erreichte, drückt mich schwer.
Was aber nützt es, im Gedicht zu klagen:
In Versen bleibt es kein Geheimnis mehr.*

“Браво, Лео!” – невольно вырвалось у меня. Я удивился: как он сумел, пройдя через все лексические, стилевые, версификационные сложности и преграды так ловко “онемечить” Абая. Если уж совсем уподобиться “Flohknacker’у” (“ушемителю блох”),

то можно разве что придаться к некоторым рифмам, которые по-немецки называются “unrein” (“нечистые”, “недостаточно созвучные”). Но это вполне в природе немецкого стихосложения.

Я выразил в письме свое отношение к этим переводам, и Лео Кошут ответил так (16.12.03): “Мне, конечно, приятны Ваши оценки моих переводов Абая. Нейман я предпочитаю за ее явную текстуальную точность. Там, где вместо дословности являются метафоры, трудно понять, насколько они соответствуют оригиналу, а насколько они - слишком свободная интерпретация. А рифмы я сознательно предпочел “unrein”. Они такие – назовем их Assonanzenreime – определяют вообще тенденцию в немецкой современной поэзии. За несколько столетий чистые рифмы настолько “изношены”, что эти рифмы-слова теряют всякий вес (будто вообще там слова нет). Это, конечно, не обозначает “зеленую” дорогу для переводчика, заменять рифмы чем попадетсЯ”.

Сказано, по-моему, убедительно и резонно. Таков переводческий штандпункт Лео Кошута.

V

Перевод третьего стихотворения пришел из Берлина некоторое время спустя. На этот раз это было любовно-пейзажное стихотворение Абая “Желсіз түнде жарық ай”. В русском переводе оно известно под названием “Темной ночью при луне” (в буквальном переводе “Ясная луна в безветренной ночи”). Опять напомним оригинал:

*– Желсіз түнде жарық ай,
Сәулесі суда дірілдеп.
Ауылдың жаны терең сай,
Тасыған өзен күрілдеп.*

*Қалың ағаш жапырағы
Сыбырласып өзді-өзі.
Көрінбей жердің топырағы,
Құлпырған жасыл жер жүзі.*

*Тау жаңғырып, ән қосып
Үрген ит пен айтаққа.
Келмеп пе едің жол тосып
Жолығуға аулаққа?*

*Таймаңдамай тамылжып,
Бір суынып, бір ісіп.
Дем ала алмай дамыл қып
Елең қағып, бос шошып.*

*Сөз айта алмай бөгеліп,
Дүрсіл қағып жүрегі.
Тұрмап па едің сүйеніп,
Тамаққа кіріп иегі?*

Всмотримся, вслушаемся: семи-восьмисложник с перекрестной рифмой абаб. Доверительная, вопросительно-утвердительная интонация, столь свойственная Абаю. Он не сообщает: “На свиданье, за аул приходила ты ко мне”, а как бы спрашивает, напоминая: “Разве не приходила ты ко мне, чтоб встретиться наедине?” Не говорит: “Ты прильнула ко мне, уткнувшись подбородком в грудь”, а спрашивает о том: “Разве не прижалась ты ко мне в грудь, уткнувшись подбородком?” Прекрасная лирическая зарисовка с точными деталями кочевой жизни, запоминающимися пейзажными мазками.

Вот как стихотворение звучит в переводе Юлии Нейман по-русски:

*Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.*

*Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.*

*Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.*

*И отважна, и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалика,
Дух с трудом переводя.*

*Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.*

На мой взгляд, вполне удачный перевод. И лексически все приемлемо, и ритмомелодика воспроизведена, и тональность созвучна, и размер соблюден. Что же еще надо?

Вот этому тексту и следовал мой германский друг и коллега Лео Кошут при переложении стихотворения на немецкий язык.

*Mondicht überglänzt die Nacht,
Bebt im Wasser-Spiegelbild.
Liegt das Dorf auch längst im Schlaf,
Rauscht des Flusses Wirbelspiel.*

*Dunkles Grün verhüllt das Land.
Undurchdringlich steht der Wald.
Raschelnd führt sein Blattgewand
Zwiesgespräche sender Zahl.*

*In den Bergen wiederhalln
Hundebellen, Hirtenschrei.
Vorm Aul- zum ersten Mal! –
harrt ich dein zum Stelldichein.*

*Kühn warst du trotz scheuer Scham
– fast ein Kind, so zauberhaft –,
als du fernher zu mir kamst,
atemlos vom schnellen Lauf.*

*Jedes Wort war hier zu viel.
Ach, mein Herz war heiß entflammt,
Als du um den Hals mir fielst,
Stumm dein Mund den meinen fand.*

Кошут следовал за русским текстом старательно и бережно, аккуратно и нежно, но при этом странным образом еще больше приблизился к Абаю. Например, “үрген ит” отсутствует в русском переводе (там “крик пастуший в тишине”), у Кошута появилось “Hundebellen” (“лай собак”), и мне невдомек: “Кто ему эту деталь подсказал? Или сам почувствовал, вообразил?”

Я написал Кошуту: перевод вполне приемлем. Некоторые рифмы немного ungen, но то же мы встречаем и у Абая (“бір ысып – бос шошып”, “өзді-өзі – жер жүзі”), хотя казахские поэты по части рифмовки дают фору западной поэзии. А вот “Dorf” меня настораживает, режет слух. Речь идет об ауле, но это ведь не совсем Dorf. А как быть? Не знаю.

Напишешь “Aul” – придется дать обстоятельную этнографическую справку немецкому читателю, а это убивает поэзию. Так что, видно, придется смириться с Dorfom. А больше мне придаться не к чему.

Кошут ответил:

“Аул” – сложное дело. Я, конечно, мог в той строфе написать “Liegt auch der Aul im Schlaf”, но немецкий читатель этого без примечания не поймет. А примечание – смерть для восприятия поэзии. Это поняли бы еще в ГДР, где казахская литература распространялась сравнительно интенсивно и большими тиражами. Но ГДР уже 13 лет нет, а в ФРГ даже дикторы радио и телевидения английские фамилии произносят блестяще, а “восточные” – русские, казахские, грузинские фамилии – обязательно исковеркают и произнесут их с неправильным ударением. Даже Айтматова – на западе довольно известного – произносят Aimatoff. Так что, по-моему, лучше уж быть не совсем точным по отношению к аулу. В рецензии на Ваш роман я написал: “Siedlungen”. Это уже слишком неопределенно, но все же применимо. Но для стихотворения совсем не годится”.

Разумеется, Кошут прав. О чем тут спорить?

VI

Видно, Абай всерьез заинтересовал переводчика Кошута. Он хотел в лучшем случае перевести три стихотворения. А недавно прислал мне на Gutbeachtung еще один перевод.

В письме (07.05.04) он сообщает:

“На Лейпцигской книжной ярмарке я поговорил с издателем журнала “die horen” о возможной публикации в связи со столетием смерти Абая. Тот такую возможность к концу года не исключал (а выходит его журнал два раза в год). Но на посылку информационного материала он пока не откликнулся. Подожду еще немного, а потом обращусь и к другим.

Литературно-политических журналов у нас, правда, немного.

Я тем временем перевел еще одно стихотворение Абая, о котором уже давно думал. Пожалуй, два или три года назад я в одной статье использовал из него даже одну строчку. Прилагаю Вам результат стараний. Они на этот раз оказались особенно трудными, особенно в третьей строфе. Исходным русским текстом был перевод А. Гатова. Буду ждать Вашего приговора”.

По немецкому переводу я сразу вспомнил оригинал:

*– Жапырағы қуарған ескі үмітпен
Қиял қып өмір сүріп, бос жүріппін.
Жыбыр қағып, көңілді тыншытпайды,
Қашанғы өтіп кеткен бұлдыр көп күн.*

*Ол дәурен өмір емес, бір көрген түс,
Ойға түйме, қызықты қиялдан күс.
Қарашы, өз бойыңда түгел ме екен,
Ыстық жүрек, оң-шырай, қуат пен күш?*

*Төңкеріліп құбылған жұрт – бір сағым,
Шыңға шыдап, қоса алмас ынтымағын
Көптің аузын күзетсең, күн көрмейсің,
Өзіңді өзің күзет, кел, шырағым.*

Одно из характерных произведений зрелого Абая, человека, много повидавшего, передумавшего, настойчиво размышляющего о жизни, о прошедшем. Элегический настрой, печаль, раздумье, скепсис, горечь. Традиционный казахский одиннадцатисложник с рифмой ааба. Вопросительно-утвердительная интонация.

Не знаю, перевел ли, кроме А. Гатова, это стихотворение кто-нибудь еще. Мне известен только его перевод.

*Я надеялся — листья надежды желты.
Я так долго мечтал — обманули мечты.
Сердцу тяжко, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.*

*То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце жар — и лицо румянил ли он?*

*Как миражам степным, людям верить нельзя.
Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Леут, лукавят: заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!*

Надо учитывать задачи, стоящие перед переводчиком. Он обязан воспроизвести не только содержание, смысл оригинала на другом языке, но дух его, форму, интонацию, загнать строки в определенный размер, находить приемлемые рифмы, “пристегнуть” стержневую мысль к организующей рифме и т.д. Это очень сложно. Чаще всего невозможно. И А. Гатов, думаю, сделал максимум, обходясь совершенно незначительными потерями. У меня не поднимается рука придаться к чему-либо. За ним с немецкой дотошностью следовал его германский коллега.

*All mein Hoffen vertan, seine Blätter vergilbt.
Was ich immer erhofft — nichts hat sich erfüllt.
Fast erdrückt es mein Herz, ersteht meinem Blick
Der vergangenen Zeit vielversprechendes Bild.*

*Nicht das Leben verflog — nur ein flüchtiger Traum.
Hätt ich lieber gelebt, statt auf Träume zu baun.
Jeder sieht's: Keine Kraft mehr hab ich im Arm,
Auch mein Herz ist verglüht, selbst die Sonne wärmt kaum.*

*Steppen-Luftbildern gleicht vieler Mitmenschen Wort
Lug und Trug bieten sie einen schändlichen Hort.
Abhold Frieden und Treu sinnen sie nur auf Streit.
All dies, Freunde, bedenkt, wenn ihr euch um sie sorgt.*

Смысл, дух абаевского стихотворения передан адекватно, все формальные признаки воспроизведены средствами немецкого языка, дыхание, поступь стиха выдержаны, оригинал и переводы звучат в унисон. А сохранить форму рифмовки (ааба) по-немецки архисложно. Кошут справился и с этой задачей. Словом, в лице Леонарда Кошута Абай через годы и расстояния нашел понятливого, вдумчивого, чуткого сердцем и душой собеседника и интерпретатора. И это меня радует больше всего. И я втайне думаю: а может, Кошут расщедрится еще на пару-другую переводов из Абая?

С творчеством Абая я знаком с четвертого класса аульской школы. Оно меня сопровождает на всех этапах жизни. Об Абае я издал три книжки, написал десятка два статей и эссе, делал подстрочные переводы его стихов, составил несколько книг-сборников на русском и казахском языках, выступал с докладами на разных конференциях. И самая большая моя мечта – составить сборничек стихов Абая на немецком языке. Может, доживу и до этого?

17-19 мая 2004 г. “Amanat” № 6/2004

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ

(1) Написано в 1886 г. Впервые опубликовано в сб. стихотв. Абая, изданном в С.-Петербурге в 1909 г. Переведено на башкирский, каракалпакский, киргизский, узбекский, татарский, уйгурский языки. На русский яз. перевели В. Бугаевский, А.Кодар, М. Адибаев. Л. Кошут пользовался подстрочником Г. Бельгера (Г.Б.)

(2) На русский язык ст. переведено П. Шубиным, А. Жовтисом, М. Султанбековым, Ю. Кузнецовым, А. Кодаром, М. Адибаевым. Л. Кошут опирался на подстрочник Г.Б. и перевод А. Жовтиса

(3) Известны русские переводы Вс. Рождественского, М. Султанбекова, Ю. Кузнецова, А. Кодара, М. Адибаева. Л. Кошут пользовался подстрочником К. Досжан и всеми русскими переводами.

(4) На данный текст Абай написал музыку. Л. Кошут опирался на перевод Ю. Нейман.

(5) Очень своеобразное по содержанию и форме (строфика, ритмика, рифмовка) стихотворение Абая. Положено им на музыку. На русский язык наиболее удачно перевел Д. Бродский. Его вариант и подстрочник Г.Б. стали основой немецкого перевода.

(6) Написано в 1892 г. Впервые опубликовано в посмертном сб. Абая в 1909 г. На русский язык переводили А. Штейнберг, М. Касаткин, Ю. Кузнецов, М. Адибаев. Л. Кошут руководствовался подстрочником А. Кодара и всеми русскими переводами.

(7) Написано в 1892 г. Опубликовано впервые в 1909 г. (С.-Петербург). Переведено на английский, арабский, каракалпакский, киргизский, узбекский,

таджикский, туркменский, уйгурский языки. На русский язык перевели Л. Нечай, М. Адибаев. Л. Кошут опирался на подстрочник С. Глеубаева и все эти переводы, предпочтительно на перевод М. Касаткина.

(8) Написано в 1894 г. Переведено на французский, узбекский, таджикский, туркменский, уйгурский, татарский, киргизский, каракалпакский языки. На русский язык перевели Ю. Нейман, М. Дудин. Л. Кошут руководствовался переводом Ю. Нейман. Существует ещё немецкий перевод Герберта Генке (на основе перевода М. Дудина):

*Der Liebe Sprache ist Gefühl:
Sie spricht mit Händedruck und Blicken.
Verliebte treiben dieses Spiel,
um sich liebkosend zu beglücken.*

*Der Liebe Sprache kannte ich,
um bis auf ihren Grund zu tauchen.
Jedoch die Jahre häuften sich –
Jetzt kann ich sie nicht mehr gebrauchen.*

(9) Написано в 1894 г. Опубликовано впервые в С.-Петербургском сб. Абая (1909). Переведено на узбекский, татарский, английский, французский, арабский, белорусский, каракалпакский, уйгурский, туркменский языки. На русский перевели Вс. Рождественский, М. Адибаев. Л. Кошут руководствовался подстрочником Г.Б. и переводом Вс. Рождественского.

(10) Написано в 1895 г. Впервые опубликовано в 1909 г. (С.-Петербург). Переведено на английский, французский, арабский, киргизский, каракалпакский, узбекский, татарский, таджикский, уйгурский языки. На русский язык перевел М. Касаткин. Л. Кошут опирался, главным образом, на подстрочник З. Клейнмихель.

(11) Написано в 1896 г. Впервые опубликовано в 1909 (С.-Петербург). Переведено на английский, французский, азербайджанский, каракалпакский,

узбекский и др. яз. На русский язык перевели А. Глоба, Ю. Нейман, Э. Шехтман, Е. Курдаков, М. Султанбеков, Ю. Кузнецов, А. Кодар, М. Адибаев. Немецкий перевод сопряжен с подстрочником Б. Каирбекова и переводом Ю. Нейман.

(12) Написано в 1896 г. Навеяно мотивами ст. Пушкина “Поэт” и Ю. Лермонтова “Журналист, читатель и писатель”. Впервые опубликовано в посмертном издании Абая в 1909 г. На русский язык перевел М. Дудин. Кошут руководствовался подстрочником Г.Б.

(13) Написано в 1897 г. Впервые опубликовано в 1909 г. Переведено на английский, французский, арабский, белорусский, башкирский, каракалпакский, киргизский, узбекский, уйгурский, таджикский, туркменский языки. На русский язык перевели В. Звягинцева, А. Штейнберг, А. Кодар, М. Адибаев. Л. Кошут руководствовался подстрочником Г.Б. и переводом В. Звягинцевой.

(14) Написано в 1898 г. Впервые опубликовано в 1909 г. Переведено на английский, башкирский, каракалпакский, киргизский, узбекский, уйгурский, таджикский, туркменский языки. На русский язык перевели М. Петровых (два варианта), А. Кодар, М. Адибаев. Л. Кошут опирался на подстрочник С. Тлеубаева и перевод А. Кодара.

(15) Написано в 1898 г. Программное стихотворение-завещание. Опубликовано в 1909 г. Положено Абаем на музыку. Переведено на многие языки. На русский язык перевели Ю. Нейман, М. Дудин, Е. Курдаков, Ю. Кузнецов, А. Кодар, М. Адибаев. Л. Кошут опирался на перевод Ю. Нейман. Известен также перевод Герберта Генке (на основе перевода М. Дудина):

*Wenn ich sterbe, liege ich im Grab fortan,
Meine scharfe Zunge wird ein Mädchen dann.
Und mein Herz, das heiss mit List und Trug gerungen,
fühlt sich wie ein Klumpen starren Eises an.*

*Ob du willst, ob nicht, der strenge Zuruf gellt
nur nicht gleichzeitig verlassen wir die Welt.
Auch im Unrecht war mein Herz zuweilen –
Ob es nicht im Jenseits bösem Klatsch verfällt.*

*Dort kann ich dem Aufrührer nicht Antwort stehn...
Er kann schamlos gegen mein Gewissen gehn...
Wäre es nicht falsch, mich zweimal zu bestrafen?!
Vielmals litt ich, will mich nicht verleumdet sehn.*

*In die Tiefe meiner Seele sollt ihr schaun:
Bin voll Rätseln, doch verdiene ich Vertraun...
Musste mich mit tausend Widersachern schlagen,
Meinen Weg durch Wildnis und durch Dornen haun...*

*War als Kind ein aufbrausender kleiner Tropf,
und auch Schlauheit hatte ich genug im Kopf.
Im Aul hielt man auf Sitten und Gebräuche:
Wenn ich trotzte, packte man mich hart am Schopf.*

*Endlich schien ich einen Lebensweg zu sehn;
mir gebrachs an Willen, diesen Weg zu gehn.
Musste bittere Erniedrigungen dulden –
doch ich weiss: der Nachkomme wird mich verstehn.*

*Gift und Feuer sind in mir, die Kraft – nur Schein.
Habe nichts geschaffen, um berühmt zu sein.
Aber meine Lieder-Klatschbasen sind rege ...
Sie sind mein Geheimnis, bitte, halte ein.*

(16) Написано в 1898 г. Впервые опубликовано в 1909 г. Переведено на английский, арабский, каракалпакский, киргизский, узбекский, таджикский,

туркменский, уйгурский, языки. На русский язык перевели А. Штейнберг, Ю. Кузнецов, А. Кодар, М. Адибаев. Л. Кошут предпочел перевод Ю. Кузнецова и подстрочник С. Тлеубаева.

(17) Написано в 1899 г. Впервые опубликовано в сборнике ст. Абая, изданном в 1909 г. в С.-Петербурге. Переведено на английский, французский, арабский, киргизский, каракалпакский, узбекский, таджикский, туркменский, уйгурский языки. На русский язык перевели М. Петровых, Ю.Кузнецов, М.Адибаев. Л.Кошут руководствовался подстрочником С. Тлеубаева и вариантом М.Петровых.

(18) Написано в 1899 г. Впервые опубликовано в 1909 г. (С.-Петербург). Переведено на английский, арабский, каракалпакский, киргизский, узбекский, уйгурский, таджик-ский, туркменский языки. На русский язык перевели Д. Брод-ский, М.Дудин, Ю. Кузнецов, М. Адибаев. Л.Кошут опирался на подстрочник С.Тлеубаева и перевод Ю. Кузнецова.

(19) Написано в 1901 г. Впервые опубликовано в 1909 г. в С.-Петербурге. Переведено на английский, арабский, башкирский, каракалпакский, киргизский, узбекский, таджик-ский, туркменский, уйгурский языки. Наиболее известный русский перевод принадлежит А. Гатову. Его вариантом пользовался и Л. Кошут.

(20) Написано в 1902 г. Впервые опубликовано в 1909 г. Переведено на английский, башкирский, каракалпакский, киргизский, узбекский, татарский, таджикский, туркменский, уйгурский языки. На русский язык перевели М. Петровых, М. Дудин. Л. Кошут предпочел вариант М. Петровых и подстрочник Г.Б.Существует немецкий перевод Руже Домашинной:

*Schmetterling, Pfauenauge,
flatterst sommers über Weiden
und verblühst, wie Schneeglöckchen.
Entblättert stirbst vielfach du,
und mit dir deinesgleichen.*

*Was tut not dem Menschen:
Lieben, Fühlen, Trauern,
Arbeit, Hast und Sprechen,
doch durch den Verstand.*

*Jeden schleift die Zeit,
wer macht sie sich gefügig?
Ein Dummkopf, der sich sperrt,
der wird zu früh zerknittert.*

**ДЛЯ КОММЕНТАРИЕВ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:**

- *Абай*. Энциклопедия. А., “Атамұра”, 1995.
- *Абай*. Тридцать семь стихотворений. А., 2006, сост. М. Адипбаев
- *Абай*. Избранное. А., 1995, изд. “КРАМДС-Ахмет Яссави”, сост. Г. Бельгер
- *Абай Кунанбаев*. Избранное. М., “Худ. Лит.”, 1981, сост. М. Магауин
- “Феникс”, альманах, № 2 (1993).
- “Феникс”, альманах, № 10 (1995).

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

МАЗМҰНЫ
INHALT
СОДЕРЖАНИЕ

Властитель – Слово. Предисловие Г.Бельгера.....	5
1886 Патша құдай, сыйындым	26
O Gott, erhöre mich doch.....	53
О помощи к стопам твоим.....	80
1886 Жаз.....	27
Sommer.....	54
Лето.....	81
1887 Қыс.....	29
Winter.....	56
Зима.....	83
1888 “Желсіз түнде жарық ай”	30
Mondlicht überglänzt die Nacht.....	57
Тихой ночью при луне.....	84
1889 “Сен мені не етесің”.....	31
Ach, was hast du mir angetan?.....	58
Ах, что за жребий ждет меня.....	85
1892 “Не іздейсің, көңілім, не іздейсің?”.....	34
Was bedrückt dich, mein Herz,	
wonach suchst du?	61
Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?.....	88

1892	“Жүрегім, ойбай, соқпа енді”.....	36
	Herz, mein Herz, was klopfst du so schnell?.....	63
	Сердце, не бейся тяжело в груди.....	90
1894	“Ғашықтың тілі – тілсіз тіл”.....	37
	Der Liebe Sprache braucht kein Wort.....	64
	Язык любви – язык без слов.....	91
1894	“Әсемпаз болма әр неге”.....	38
	Prahlerei macht dich nicht teurer.....	65
	Будь разборчив в пути своем.....	92
1895	“Өлсе өлер табиғат, адам өлмес”.....	39
	Stirbt auch, was irdisch war – der Mensch lebt fort	66
	Прах мой истлеет, но сам не исчезну я , нет	93
1896	“Сағаттың шықылдағы емес ермек”.....	40
	Das Ticken der Uhr dient nicht einfach dem Spass.....	67
	Не просто это – звук часов: “тик-так”.....	94
1897	“Адамның кейбір кездері”.....	41
	O Glück des seltnen Augenblickes!.....	68
	Случаются мгновения: тревога.....	95
1898	“Көк тұман – алдындағы келер заман”.....	42
	Die Zukunft - sie liegt hinter graublauem Dunst	69
	Грядущее скрыто туманом от нас.....	96

1899 “ Сұм дүние тонап жатыр, ісің бар ма?”.....	42
Schnödes Dasein - was tun,	
da es uns bestieht?.....	71
Посмотри, этот мир тебя грабит, жесток.....	98
1898 “Өлсем, орным қара жер,	
сыз болмай ма?”.....	45
Werd ich zu Erde,	
wenn der Tod mich rafft?.....	72
Когда умру, не стану ль я землей?.....	99
1898 “Жүректе қайрат болмаса”.....	46
Wenn dein Herz nicht in Flammen steht.....	74
Коли в сердце нет воли.....	100
1899 “Жүрегім менің қырық жамау”.....	47
Von vierzig Flicker umfasst.....	75
На сорок лоскутов тоскою.....	101
1899 “Нұрлы аспанға тырысып өскенсің сен”.....	8
Himmelan strebtest du dein	
ganzes Leben.....	76
Рос ты быстро,	
стремясь в небосвод голубой	102
1901 “Жапырағы қураған ескі үмітпен”.....	49
All mein Hoffen vertan,	
seine Blätter vergilbt	77
Я надеялся – листья надежды желты.....	103
1902 “Тоты құс түсті көбелек”.....	20
Der Schmetterling mit Pracht-Dekor.....	78
Мотыльки, чей светел наряд.....	104

Литературно-художественное издание
АБАЙ
Двадцать стихотворений
на трех языках
(на казахском, русском и немецком языках)

Редакционный директор **К.Назырбаев**

Редактор *Ж. Болтанова*
Дизайнер *А.Шарипова*
Технический редактор *С. Бейсенова*
Компьютерная верстка *Г.Сатыбалдиева*

ISBN 9965-18-241-8

ИБ № 245

Сдано в набор 10.10.2008 г. Подписано в печать 15.11.2008 г.
Формат 84x100 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура “KZ Times New Roman”. Печать офсетная. Усл печ.л. 6,5 Учетн. изд. л. 5,0 .
Тираж 3000 экз. Заказ № 1944

Издательство “Аударма”,
010000, г. Астана, ул. Б.Майлина 9-145.
АО “Астана Полиграфия”
010000, город Астана, ул. Брусиловского, 87